

МД10
370

Проф. А. П. Павловъ.

РЕФОРМА
СРЕДНЯГО ОБРАЗОВАНІЯ.

—
2-е изданіе.
—

Цѣна 25 коп.

МОСКВА.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер. с. д.
1908.

МДЮ 370

Проф. А. Л. Павловъ.

РЕФОРМА
СРЕДНЯГО ОБРАЗОВАНІЯ.

—+—
2-е изданіе.
—+—

МОСКВА.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер. с. д.
1908.

Эта статья была написана въ 1904 г. и напечатана въ январѣ 1905 г. въ одномъ изъ педагогическихъ журналовъ, затѣмъ она поступила въ продажу въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Въ то время вниманіе общества было направлено почти исключительно на одну основную реформу, и всѣ другіе вопросы естественно отодвинулись на второй планъ. Теперь вопросъ о реформѣ средняго образованія въ Россіи вновь выдвинуть на очередь, и попытка освѣтить то, что, при современномъ развитіи культуры, должно быть положено въ основу этой реформы можетъ принести свою долю пользы. Это и побуждаетъ автора вновь напечатать теперь эту статью отдѣльной брошюрой.

Москва.

15. II. 1908.

Реформа среднего образования.

Въ настоящее время близится къ рѣшенію чрезвычайно важный вопросъ о будущихъ судьбахъ нашего среднего образования, тѣсно сливающейся съ вопросомъ о будущихъ судьбахъ нашей страны. Ни вопросъ о низшемъ образованіи, ни вопросъ объ упорядоченіи высшаго образованія не могутъ сравниться съ нимъ по степени важности и не могутъ быть удовлетворительно разрѣшены, помимо рѣшенія вопроса объ образованіи среднемъ.

Средняя школа пополняетъ кадры нашего образованнаго общества, работающаго надъ просвѣщеніемъ народа, она же даетъ слушателей университетамъ и техническимъ школамъ, которые вооружаютъ ихъ преимущественно спеціальными познаніями, не заботясь, да и не имѣя возможности заботиться объ общемъ умственномъ развитіи своихъ уже зрѣлыхъ слушателей. Юноша начинаетъ жить сознательною жизнью и складывается въ опредѣленную личность во время пребыванія въ средней школѣ. Средняя, а не низшія и не высшія школы формируютъ тѣхъ гражданъ, которые будутъ дѣлать исторію страны, тѣхъ людей, въ руки которыхъ страна передаетъ задачи, завѣщанныя предшествующими поколѣніями, тѣ культурныя блага, которыя должны быть упрочены и умножены, а не развѣяны по вѣтру. Вопросъ объ образованіи этихъ будущихъ гражданъ представляетъ собою тотъ основной вопросъ, съ которымъ тѣснѣйшимъ

образомъ связаны чрезвычайно важные экономическіе, политическіе, социальныя и этическіе вопросы настоящаго тревожнаго и тяжелаго времени. Удовлетворительное его рѣшеніе обезпечитъ странѣ правильное развитіе и порядокъ и будетъ тѣмъ благодѣтельнымъ кризисомъ, съ котораго начнется выздоровленіе страны отъ гнетущихъ ее недуговъ, неизлѣчимыхъ ни карами, ни милостыней. Путь къ правильному рѣшенію этого вопроса есть начало того пути къ свѣту и благоденствію грядущихъ поколѣній, который такъ мучительно ищетъ начинающее задумываться надъ жизнью юношество. Напротивъ, неудачное рѣшеніе этого вопроса будетъ роковымъ ударомъ, который принесетъ нашей странѣ неисчислимыя бѣдствія, потому что народъ, несумѣвшій выработать себѣ систему образованія, обезпечивающую его устойчивость и развитіе среди все осложняющихся условій всемірно-исторической жизни, неизбѣжно обреченъ остаться позади другихъ, лучше рѣшившихъ эту историческую задачу. Это народъ безъ будущаго, народъ обреченный уступить другимъ свое мѣсто на исторической сценѣ и низойти до положенія низшихъ расъ. Если онъ знаетъ, что плохи его школы—питомники его будущихъ гражданъ,—онъ инстинктивно чувствуетъ, что идетъ къ гибели. Не этимъ ли объясняется раздававшійся въ послѣдніе годы вопль печати и общества по поводу нашихъ школьныхъ порядковъ?

Нѣкоторые сомнѣваются въ возможности улучшить среднюю школу, не начавъ реформу со школы высшей. Трудно, конечно, создать въ короткое время хорошую среднюю школу, если высшая доставляетъ ей плохихъ учителей и руководителей. И высшей школѣ трудно улучшить качество выпускаемыхъ ею работниковъ, если образовательный уровень поступающихъ въ нее не соответствуетъ тѣмъ требованіямъ какія должны быть предъявляемы лицамъ, приступающимъ къ специальнымъ научнымъ занятіямъ.

Выйти изъ этого заколдованнаго круга можно, только улучшая одновременно и ту и другую школу и облегчая пути ихъ дружнаго взаимодействія.

Если бы оказалось, что осуществить намѣченную реформу среднего образованія нельзя по недостатку соответственно подготовленныхъ преподавателей, тогда въ постановкѣ высшаго образованія немедленно могли бы быть сдѣланы такія измѣненія, которыя восполняютъ этотъ недостатокъ и вообще могли бы быть приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы невозможное сегодня сдѣлалось возможнымъ въ ближайшемъ будущемъ.

Во всякомъ случаѣ разработка плана среднего образованія составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ настоящаго времени; среднее образованіе самое больное мѣсто въ нашей учебной системѣ.

Планъ этотъ долженъ быть такъ разработанъ, чтобы основныя черты его могли быть признаны образованнымъ обществомъ страны правильными, намѣчающими такую систему, для осуществленія которой можно дружно объединить всѣ усилія, оставивъ личные расчеты и бесполезные споры. Дружная работа въ этомъ дѣлѣ существенно необходима. Развитіе событій мировой исторіи вѣдь не станетъ ждать, пока мы будемъ производить недостаточно продуманные эксперименты, пробовать полумѣры и добиваться проведенія системы, соответствующей нашимъ личнымъ интересамъ или вкусамъ. Намъ просто будетъ указано то мѣсто, какое мы по своему культурному развитію заслуживаемъ. Если мы не задумаемся во-время, то есть много оснований опасаться, что это мѣсто будетъ не изъ высокихъ.

Не слѣдуетъ также обольщать себя надеждой на возможность быстро удовлетворительнаго рѣшенія наболевшаго вопроса. Если бы намъ и удалось найти надежныя основы образовательной системы, то нужно быть готовымъ къ тому, что проведеніе въ жизнь новой системы встрѣтитъ цѣлый рядъ затрудненій, коренящихся

въ томъ, что наши учебные планы разработаны примѣнительно къ инымъ основамъ, наши нынѣ дѣйствующіе педагоги сжились съ этими планами, прониклись тѣми идеями, какія лежатъ въ ихъ основаніи, и измѣнить всю эту вѣками нагромождавшуюся систему не такъ легко, какъ сбросить старое платье и надѣть новое. Разработка деталей учебнаго плана, построеннаго на основаніяхъ, отличныхъ отъ нынѣшнихъ, которыя оказались неудовлетворительными, есть дѣло не одного года. Новая система должна органически вырасти и вырастать, если для этого будетъ дана подходящая почва.

Первымъ и главнѣйшимъ дѣломъ должно быть исканіе правильныхъ основаній образовательной системы. Желаніе принести въ этомъ дѣлѣ посильную помощь пусть будетъ оправданіемъ того, что я рѣшился увеличить еще на нѣсколько страницъ и безъ того обширную литературу по вопросу о реформѣ средняго образованія.

Соотвѣтствіе системъ образованія съ фазами культуры.

Существеннѣйшимъ признакомъ правильной и устойчивой системы общаго образованія должно быть ея соотвѣтствіе съ духомъ и задачами той исторической эпохи, той фазы культурнаго развитія, какую мы теперь переживаемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ эта система не должна стоять въ явной дисгармоніи съ условіями нашей дѣйствительности, и внутренняя организація школы должна быть строго примѣнена къ ея задачамъ и поставлена въ нормальное и тѣсное соотношеніе съ другими учрежденіями, ведущими совмѣстно съ нею культурную работу въ странѣ.

Чтобы выяснитъ, что слѣдуетъ понимать подъ этимъ соотвѣтствіемъ образовательной системы съ духомъ и задачами данной исторической эпохи лучше всего обратиться къ прошлому, къ нѣкоторымъ изъ великихъ

культурныхъ эпохъ, и посмотрѣть, не было ли и тогда такого соотвѣтствія. Мы не будемъ; конечно, погружаться въ пучины исторической науки и излагать исторію образованія юношества въ разные времена и у разныхъ народовъ—это уже сдѣлано людьми болѣе насъ компетентными,—мы лишь вкратцѣ отмѣтимъ образовательные идеалы нѣсколькихъ смѣнившихся одна другую культурныхъ эпохъ, чтобы понять, почему намъ приходится начинать съ вопроса о томъ, какой типъ образованія наиболѣе соотвѣтствуетъ духу и стремленіямъ современной эпохи, а вмѣстѣ съ тѣмъ немного выяснитъ происхожденіе и свойства той почвы, на которой приходится строить.

Для древняго грека, еще не проникавшаго въ глубь предметовъ и явленій природы и не видѣвшаго ихъ сложныхъ взаимоотношеній, внѣшнія формы предметовъ, формы рѣчи, формы мышленія составляли главный предметъ вниманія и изученія. Миръ представлялъ для него нѣчто цѣльное, законченное, вылившееся въ совершенныя формы и потому неизмѣняемое, неподлежащее дальнѣйшему усовершенствованію. Главною задачей культурнаго человѣка было стремиться къ постиженію плана, гармоніи, красоты тѣхъ образовъ и идей, которые воплощены въ видимомъ мирѣ. При такомъ міровоззрѣніи научное мышленіе близко соприкасалось съ художественнымъ. Отсюда—пышное развитіе греческаго искусства.

Въ развитіи греческой науки ясно сказывалось то же основное міровоззрѣніе. Главнѣйшими науками были науки числа и линій (арифметика и геометрія), при чемъ въ послѣдней эстетическая точка зрѣнія играла не послѣднюю роль; науки о правильныхъ формахъ мышленія (діалектика, или по-нынѣшнему логика), науки о нормальномъ складѣ душевной жизни (этика и эстетика); въ наукахъ естественныхъ описаніе типичныхъ формъ и систематизація ихъ составляли главное содержаніе. Число, форма, идеальный образъ изучаемаго

предмета или явления—вотъ что составляло главный интересъ для грека, а не жизнь, не развитіе, не измѣненіе. Понятно, что и воспитаніе юношества ставило себѣ соотвѣтствующія общему міровоззрѣнію цѣли. Въ планъ этого воспитанія входило и развитіе тѣла путемъ физическихъ упражненій, и развитіе способности разбираться въ формахъ мысли и родной рѣчи и выражаться точно и изящно (діалектика), и образование ума путемъ сообщенія познаній въ предѣлахъ важнѣйшихъ наукъ и въ стройной системѣ; далѣе, выразительное чтеніе, пробужденіе любви къ своимъ авторамъ составляли существенную часть образовательной системы, а главною цѣлью, какую она преслѣдовала, было достиженіе гармоническаго равновѣсія душевныхъ силъ, воспитаніе мужества, умѣренности, справедливости,—словомъ, гармоническое развитіе личности для осуществленія ея идеаловъ добра и красоты. Чужими и уже въ то время угасшими культурами греки не интересовались. Отечество, благо и процвѣтаніе родины были объединяющимъ принципомъ воспитанія. Стройная, соотвѣтствующая духу времени, система обученія дисциплинировала умъ, давая ему работать надъ типами, надъ идеальными образами, она сообщала ему ясность, точность и положительность.

Такая система и для нашего времени представляетъ много заманчиваго, и, быть можетъ, нѣкоторые ея элементы могли бы войти какъ составная часть и въ планъ современнаго образованія. Но въ полномъ своемъ объемѣ эта система, выросшая на почвѣ олигархической и рабовладѣльческой Греціи, совершенно не соотвѣтствуетъ научному міровоззрѣнію и культурнымъ идеаламъ нынѣшняго времени, и мечтать о возстановленіи такой системы теперь можно, только закрывши глаза на весь тотъ длинный и сложный путь развитія, какой прошло человѣчество со временъ Перикла и Фидія. Еще болѣе странно было бы, отстранивъ русское

юношество отъ произведеній творческаго духа своего народа и своего времени, принуждать его растрачивать лучшія силы на изученіе чуждаго и уже несуществующаго языка, въ сомнительной надеждѣ довести его до возможности читать произведенія, на которыхъ развивался античный грекъ, на чуждомъ намъ языкѣ этого грека. Это было бы полнымъ искаженіемъ самыхъ основъ античнаго воспитанія. Вѣдь древній грекъ не былъ принуждаемъ въ свои дѣтскіе годы изучать чужіе языки и грамматики, портить свое зрѣніе и здоровье надъ разнообразными учебниками, пассивно воспринимая ихъ содержаніе; онъ не былъ принуждаемъ говорить и мыслить по чужимъ образцамъ и имѣлъ полную возможность развивать и совершенствовать свою собственную рѣчь и свой собственный мыслительный аппаратъ; онъ изучалъ и пріучался любить своихъ, авторовъ, жившихъ и творившихъ въ обстановкѣ ему родной и знакомой. Онъ самъ видѣлъ прекрасный міръ, его окружающій, и населялъ его прекрасными произведеніями своей собственной, а не чужой фантазіи. Только при такихъ условіяхъ могла развиться та художественная простота и пластика рѣчи и вмѣстѣ съ тѣмъ глубина и сила мысли, которыя насъ восхищаютъ въ произведеніяхъ греческихъ писателей.

Система образованія юношества у римлянъ претерпѣваетъ значительныя измѣненія сравнительно съ греческой. Параллельно съ ростомъ владѣній Рима растетъ и значеніе языка римлянъ, который пріобрѣтаетъ значеніе и языка государственнаго, и проводника римской культуры. Сравнительно узкія національныя тенденціи, которыя не были чужды греческому образованію, теперь исчезаютъ и на смѣну имъ выдвигается идея о культурѣ общечеловѣческой—гуманитарной, подъ которой понимается облагороженіе духа высшими, достойными челоуѣка стремленіями. Соотвѣтственно высокому значенію въ римской жизни ораторскаго искусства, высшимъ

проявленіемъ этого образованія признается искусство художественно владѣть словомъ, опирающееся на разнообразныя фактическія знанія. Важное значеніе юридическихъ познаній въ дѣлѣ устройства обширныхъ римскихъ владѣній и насажденія въ своемъ отечествѣ и у варваровъ началъ порядка и уваженія къ законамъ дѣлаетъ изученіе законовъ однимъ изъ основныхъ предметовъ обученія.

Не останавливаясь подробно на этомъ второмъ типѣ античнаго образованія и на анализѣ того, въ какой мѣрѣ римское образованіе соответствовало духу и стремленіямъ своей эпохи, мы перейдемъ къ среднимъ вѣкамъ.

Образовательная система среднихъ вѣковъ сформировалась въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ условий, созданныхъ многовѣковой религіозной, а отчасти и политической борьбой. Она имѣла задачей образовывать людей, способныхъ участвовать въ этой борьбѣ. Эта система не была рассчитана на образованіе широкихъ круговъ населенія, а имѣла въ виду лишь потребности небольшихъ религіозныхъ общинъ; академическая замкнутость составляла ея отличительную черту. Немногочисленный классъ образованныхъ людей имѣлъ свой международный языкъ — латинскій, бывший въ то же время языкомъ церкви, школы и тогдашней литературы. Изученіе этого языка было необходимо каждому, стремящемуся къ образованію, потому что необходимыя въ то время познанія по законовѣдѣнію, медицинѣ, литературѣ можно было пріобрѣсти только этимъ путемъ.

Учебная система того времени представляла собою стройное цѣлое. Главнымъ ядромъ ея была группа такъ называемыхъ семи свободныхъ искусствъ, слагавшаяся изъ двухъ частей — *trivium* и *quadrivium*¹⁾. Первую и

¹⁾ Эта система получила свое начало еще въ александрійской періодъ греческой исторіи, но въ средніе вѣка она пріобрѣла особый

самую важную стадію обученія послѣ подготовительнаго обученія латинской грамотѣ составляли три науки или искусства (*trivium*), имѣвшія задачей дать уму формальное развитіе и упражнявшія умѣнье владѣть словомъ — грамматика, риторика и діалектика. Вторую стадію, или болѣе высокую степень образованія, составляли четыре предмета: музыка (церковная), арифметика, геометрія съ краткими книжными свѣдѣніями о природѣ (по Аристотелю) и астрономія. Теологія и тѣсно съ нею связанная философія (схоластика) завершали образованіе и возносили учащагося отъ земной юдоли въ заоблачныя небесныя сферы.

Это была опредѣленная, строго выработанная система образованія, соразмѣренная въ своихъ частяхъ и неподвижная. И про нее можно сказать, что она соответствовала духу эпохи и сослужила свою службу въ развитіи европейской культуры, но нужно прибавить, что она надолго пережила свою эпоху и была прототипомъ учебныхъ плановъ, создававшихся при совершенно иныхъ условіяхъ, да еще и теперь ея вліяніе не перестаетъ сказываться въ требованіяхъ тратить учебное время на предметы, будто бы дающіе уму формальное развитіе и въ стремленіяхъ къ созданію опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ учебныхъ плановъ, въ которыхъ все выработано и предусмотрено и какъ бы неспособно къ измѣненіямъ и улучшеніямъ.

Въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ образовательное дѣло также обновляется и по крайней мѣрѣ въ началѣ эпохи стремится болѣе полно усвоить себѣ античныя матеріалы и идеи.

Итальянскіе поэты, ораторы и мыслители начала этой эпохи увидѣли въ твореніяхъ древнихъ богатый источникъ образовъ и идей, могущихъ сообщить ихъ собст-

каноническій авторитетъ; седмичному числу наукъ стали приписывать особый высшій смыслъ. Семь учебныхъ предметовъ или семь ступеней возвышенія духа сравнивали съ семью планетами и т. д.

венному творчеству новые импульсы, новую силу, богатое и разнообразное содержание. Дебри диалектики и схоластики перестают удовлетворять их, и идейное содержание литературы греков и римлян, т.-е. изучение античной философии, науки, искусств, привлекает к себе все их внимание. Древние языки приобретают значение пути к этому источнику облагораживающих (гуманизирующих) воздействий¹⁾.

Впоследствии, по мере своего дальнейшего распространения, это умственное движение претерпевает существенное изменение.

Под влиянием политических причин (борьба итальянских правителей между собою и с папством), выдвинувших большой спрос на людей, искусных в слог, несколько содержание сколько самая форма выражения и конструкция речи римских писателей становятся предметом изучения, удивления и подражания. Восторги гуманистов перед тонкостями латинских конструкций, особенно в творениях Цицерона, простирались до того, что в изучении этих тонкостей они видели не только орудие изощрения ума, но и средство к утончению чувств и путь к нравственному совершенствованию.

Естественно, что и в школьном обучении древние языки, открывавшие путь из варварства к культуре, являются главным основным предметом образовательной системы, а самой важной задачей школьного обучения признается изучение словесного искусства римских писателей, усвоение форм и конструкций латин-

¹⁾ Роль обоих древних языков и их литератур в деле воздействия на культуру этой эпохи была далеко неодинакова. Хотя богатое содержание и высокое образовательное значение греческой литературы пользуется общим признанием, но в силу меньшей доступности греческого языка сравнительно с латинским, который с давних пор был языком церкви и образованных людей, римская литература и латинский язык приобретают первенствующее значение.

ской речи. Идейное содержание античных литератур и приобретение и без того скудных тогда положительных знаний (quadrivium) отступают на задний план. Таким образом средство было поставлено на место цели, ознакомление с литературой, философией, наукой классической древности было заменено погоней за словами и фразами. Самая трудность изучения древних языков и возможность строго распределить и регулировать учебную деятельность была признана также одним из достоинств системы, так как служила средством дисциплинировать учащихся. Этот культ форм языка, это преклонение перед фразой, составившие характерную особенность образовательной системы этой эпохи, надолго ее пережили.

Что касается самой этой эпохи, то, принимая во внимание потребности тогдашней, жизни, малое развитие положительных научных знаний и сравнительно незначительную роль, какую они тогда играли, можно признать, что школа, культивировавшая такую образовательную систему, в значительной мере отвѣчала духу и запросам своего времени.

В последующие века (XVII и XVIII) грамматики древних языков являются предметом особенного внимания ученых специалистов, особенно в Англии и Германии. По мере разработки этих грамматик учеными филологами, они и в школьном обиходе приобретают все большее и большее значение. И по настоящее время в так наз. классических школах всех стран они заслоняют собою и содержание античных творений, и общеобразовательные задачи школы. Огромное количество труда приходится тратить на грамматический разбор отрывков из разных классических произведений, при чем самая эти произведения в их целом остаются неизвестными учащимся. Напряженная работа над формами чуждой речи, над диковинными для современного склада ума конструкциями

неизбѣжно влечетъ за собою ослабленіе способности воспринимать мысли и слѣдить за развитіемъ идей. Для оправданія такого порядка вещей была придумана или вѣрнѣе извлечена изъ архивовъ теорія, доказывающая, что, и помимо идейнаго содержанія античной литературы, изученіе однѣхъ грамматикъ и отрывковъ изъ древнихъ авторовъ представляетъ собою какъ бы гимнастику ума и имѣетъ великую и ничѣмъ незамѣнимую развивающую силу, обезпечивая формальное развитіе ума, необходимое для всякой послѣдующей умственной работы.

Нынѣшняя система средняго образованія несоотвѣтствуетъ условіямъ современной исторической эпохи.

Образовательная система, принявшая это направленіе или, лучше сказать, упорно продолжающая держаться его, несмотря на коренныя измѣненія идей и условий жизни, неизбѣжно должна была утратить соотвѣтствіе съ духомъ и стремленіями своего времени. Это совершилось подѣ влияніемъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Новая европейская культура, развившаяся подѣ благотворнымъ воздѣйствіемъ памятниковъ культуры античной, вступила на самостоятельный путь. Творенія древнихъ утратили значеніе единственнаго источника облагораживающихъ воздѣйствій. Латинскій языкъ пересталъ быть языкомъ науки и языкомъ образованныхъ людей всѣхъ странъ, и на смѣну ему явились новые европейскіе языки съ ихъ обширными художественными литературами, пріобрѣтшими для современнаго культурнаго человѣка значеніе несравненно болѣе высокое, чѣмъ литературы древнихъ, и это не потому, что произведенія новыхъ европейскихъ литературъ далеко оставили за собою по силѣ и красотѣ слога творенія классическихъ авторовъ, а потому, что между мыслью автора и мыслью читателя пересталъ стоять чуждый чита-

телю языкъ, и потому, что съ осложненіемъ строя человѣческихъ отношеній и складъ мыслей современныхъ писателей сталъ сложнѣе, содержаніе художественныхъ произведеній глубже, жизненнѣе, роднѣе и понятнѣе современному человѣку. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ развитіемъ новыхъ живыхъ языковъ, миновала необходимость пользоваться латинскимъ языкомъ какъ языкомъ науки, ученые получили возможность мыслить и выражать свои мысли по-своему, а не по-чужому. Наука освободилась отъ стѣсняявшихъ ее путъ и получила болѣе свободныя національныя формы; она сдѣлалась менѣе замкнутой и тѣсно слилась съ жизнью народовъ. Все это сказалось небывало могучимъ развитіемъ наукъ у всѣхъ культурныхъ народовъ и необычайнымъ развитіемъ научныхъ литературъ на новыхъ языкахъ, знаніе которыхъ и сдѣлалось поэтому безусловно необходимымъ всякому, кто посвящаетъ себя научной дѣятельности.

Видъ путей, ведущихъ въ Элладу и Римъ, были сдѣланы крупнѣйшія научныя открытія, перевернувшія все міровоззрѣніе образованныхъ людей. Смутно предугадывавшаяся древними философами идея развитія, измѣненія всего существующаго, получала въ трудахъ философовъ и ученыхъ новаго времени все большее и большее развитіе и теперь проникаетъ почти во всѣ области человѣческаго знанія, внося съ собою новыя импульсы, открывая новыя плодотворныя пути. Область извѣданнаго, раскрытаго человѣческимъ разумомъ необыкновенно расширяется. За развитіемъ знаній географическихъ и астрономическихъ слѣдуетъ въ XVIII вѣкѣ могущее развитіе знаній математическихъ и физическихъ, затѣмъ въ XIX вѣкѣ развитіе наукъ біологическихъ. Окрыленная новыми знаніями, промышленная дѣятельность культурныхъ народовъ Европы и Америки получаетъ необыкновенно широкое развитіе. Образованіе перестаетъ быть привилегіей ограниченныхъ и замкнутыхъ круговъ лицъ, посвящающихъ се-

бя ученой и проповѣднической дѣятельности, и становится необходимою жизненною принадлежностью широкихъ круговъ населенія, необходимою основой всякой практической дѣятельности.

При такомъ коренномъ и глубокомъ измѣненіи всего строя культуры и условій жизни дѣло образованія юношества упорно удерживаетъ давно отжившія формы. Дѣлаются, конечно, попытки придать школѣ болѣе современный характеръ, въ учебныя программы вносятся научныя и литературныя свѣдѣнія, безъ которыхъ нельзя болѣе обходиться современному образованному человѣку, преподаются новые языки, усиливается преподаваніе родного языка и т. п. Однако эти частичныя измѣненія не приводятъ къ удовлетворительнымъ результатамъ.

Въ господствующемъ типѣ школы—классической гимназій—древніе языки продолжаютъ занимать такъ много времени и поглощать у учащихся такъ много силъ, что остальные предметы сводятся на роль второстепенныхъ, и школа вмѣсто общеобразовательнаго имѣетъ спеціальныя филологическій характеръ и все же не достигаетъ тѣхъ цѣлей, какія выставляетъ на своемъ знамени. Выработавшійся на преподаваніи древнихъ языковъ и вѣками царившій въ школахъ схоластическій, формальный догматическій методъ обученія распространяется и на другіе предметы школьнаго преподаванія, лишая ихъ того жизненнаго развивающаго значенія, какое они могли бы имѣть при другихъ условіяхъ.

Созданныя параллельно съ этимъ типомъ реальныя училища тоже не были въ состояніи кореннымъ образомъ обновить учебное дѣло, частью въ силу внѣшнихъ условій, въ какія онѣ были поставлены, частью вслѣдствіе нѣкоторой неопредѣленности и колебаній въ пониманіи своихъ задачъ, а частью потому, что схоластичность, давно воцарившаяся въ педагогиче-

скомъ дѣлѣ, сказалась и на этомъ типѣ школъ, особенно на преподаваніи въ нихъ новыхъ языковъ по шаблону, выработавшемуся на обученіи языкамъ древнимъ.

Въ общемъ современная система средняго образованія, выросшая изъ своихъ архаическихъ прототиповъ, вобравшая въ себя и ассимилировавшая многіе изъ ихъ элементовъ, въ свое время жизненныхъ, слишкомъ мало считается съ тѣмъ, въ какихъ именно условіяхъ придется жить и дѣйствовать оканчивающимъ школу, а между тѣмъ эти условія рѣзко отличаются и отъ условій античнаго міра, и отъ средне-вѣковыхъ, и даже отъ тѣхъ условій, въ какихъ жили люди XVIII и большей части XIX вѣка. Отсюда тотъ кризисъ, который въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ переживаетъ система средняго образованія во всѣхъ культурныхъ странахъ и особенно тамъ, гдѣ эта система заимствована извнѣ и еще менѣе гармонируетъ съ историческими и географическими условіями.

Все это указываетъ, что ни у насъ, ни въ другихъ странахъ еще не найдена или, по крайней мѣрѣ, недостаточно сознана та основа, на которой должна быть построена образовательная система соответствующая условіямъ современной исторической эпохи. Обширная педагогическая литература послѣдняго десятилѣтія свидѣтельствуетъ, что поиски идутъ, что педагогическая мысль интенсивно работаетъ. И намъ предстоитъ еще много работы въ этомъ направленіи; особенно нужна она теперь, когда ясно сознана необходимость пустить наше образованіе по новому руслу. Не разбиться бы въ этомъ новомъ руслѣ о подводные камни, не захватить бы вмѣсто новаго русла въ слѣпой конецъ русла стараго, откуда нѣтъ выхода и ища его, можно только увязнуть въ илу и тинѣ. Постараемся поискать тотъ компасъ, который можетъ указать вѣрное направленіе среди множества переплетающихся руселъ, и тотъ

свѣтильникъ, который можетъ освѣтить нашъ путь въ туманной области разнообразныхъ мнѣній, вкусовъ, интересовъ и потребностей.

Что должно лежать въ основѣ системы средняго образованія.

Въ чемъ же мы должны искать основу образовательной системы? Гдѣ тотъ типъ образованія, который можетъ дать странѣ необходимый контингентъ лицъ, несущихъ разнообразныя функціи въ государственномъ управленіи, въ общественной жизни, въ технику, въ торговлю и во всѣхъ сферахъ дѣятельности, гдѣ нужны люди развитые, сильные умомъ и бодрые духомъ, стойкіе въ своихъ убѣжденіяхъ, способные найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, любящіе свою страну и имѣющіе достаточно широкій взглядъ на міръ и на свои въ немъ обязанности и отношенія,—словомъ, люди, воспитанные жить и работать въ нашей странѣ, среди сложныхъ культурныхъ условій нашего времени?

Если мы спросимъ себя, что составляетъ самую характерную отличительную черту нашего времени, что кладетъ наиболѣе рѣзкій отпечатокъ и на духовный міръ человѣка и на окружающую его обстановку, что является важнѣйшимъ факторомъ, вліяющимъ на условія человѣческой жизни и дѣятельности, придется отвѣтить: гигантскій ростъ науки за послѣднее столѣтіе или даже полстолѣтіе и неудержимое вторженіе ея во всѣ области человѣческаго существованія, во всѣ сферы человѣческой дѣятельности ¹⁾.

¹⁾ Подъ науками мы разумѣемъ здѣсь главнымъ образомъ точныя и наблюдательныя науки, тѣ области знанія которыя во Франціи называются sciences въ отличіе отъ другихъ знаній, объединяемыхъ словомъ lettres. У насъ эти двѣ области знаній особымъ названіемъ не различаются; это можетъ имѣть смыслъ предвѣднія, т. е. и науки второй группы (т. наз. гуманитарныя) стремятся стать точными.

Колоссальный прогрессъ научныхъ знаній за одно полстолѣтіе произвелъ въ условіяхъ жизни и дѣятельности современнаго человѣка и въ его міровоззрѣніи перемены болѣе важныя, чѣмъ тѣ, какіе могли произвести всѣ политическія причины, всѣ завоеванія, всѣ законодатели, которые когда-либо жили.

Событія современной міровой исторіи развиваются теперь подъ чрезвычайно широкимъ вліяніемъ умственной силы. Степень научнаго познанія естественныхъ богатствъ страны и наилучшихъ условій ихъ эксплуатаціи и сбыта опредѣляетъ собою и степень экономическаго благосостоянія населенія. Разнообразныя виды промышленности въ ихъ высшемъ развитіи перешли отъ традиціонныхъ рутинныхъ приемовъ къ научному руководству, и развитіе промышленности стоитъ въ прямомъ отношеніи съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ доступно промышленности это научное руководство. Отсюда значеніе науки для роста финансовъ страны понятно само собою. Наличность или отсутствіе въ руководящихъ слояхъ населенія страны точныхъ научныхъ знаній о чужихъ странахъ и о томъ, что въ нихъ совершается, опредѣляетъ удачу или неудачу внѣшней политики государства. Развитіе средствъ сообщенія внутренняго и внѣшняго, постановка санитарной и медицинской части, воспитательное дѣло, военное дѣло,—все это имѣетъ въ своемъ основаніи научныя познанія и въ нихъ почерпаетъ свою силу и способность къ улучшенію. Въ каждомъ государствѣ, въ каждой болѣе или менѣе сложной правительственной и общественной организаціи всѣ ихъ руководящіе органы: законодатели, администраторы, дипломаты, врачи, воспитатели, техники,—всѣ поставлены въ необходимость внимательно слѣдить за прогрессомъ науки и своевременно измѣнять свои приемы, свои методы, характеръ своей дѣятельности соотвѣтственно тѣмъ новымъ требованіямъ, какія выдвигаются жизнью и дальнѣйшимъ

прогрессомъ науки. Всюду необходимо знаніе естественныхъ законовъ, долженствующихъ направлять и регулировать человѣческую дѣятельность и приводить ее къ пользѣ и добру.

Образованіе научное не только дѣлаетъ людей интеллектуально болѣе сильными и слѣдовательно создаетъ лучшихъ работниковъ въ разныхъ сферахъ государственной, общественной и практической дѣятельности, но оно оказываетъ благотворныя вліянія и въ другихъ направленіяхъ. Общеніе съ наукой широкихъ круговъ населенія содѣйствуетъ распространенію въ немъ любви къ наукѣ, уваженія къ истинѣ. Знакомство съ наукой и ея методомъ является могучимъ факторомъ дисциплинирующимъ умъ. Наука основываетъ свои выводы на строго установленныхъ фактахъ, а не на мнѣніяхъ и слухахъ; она раскрываетъ законы, которые управляютъ и отдаленной звѣздой, и песчинкой, и отдѣльнымъ человекомъ, и цѣлымъ государствомъ, и изучающій науку понимаетъ, что попытка измѣнить эти законы согласно нашимъ желаніямъ или страстямъ была бы ребячествомъ. Онъ начинаетъ сознавать предѣлы своихъ и вообще человѣческихъ силъ и возможностей, и это сознаніе дѣлаетъ его скромнымъ, умѣреннымъ, научаеетъ уважать чужіе труды и чужія мнѣнія. Вообще научно-воспитанные люди менѣе склонны повиноваться страстямъ и слѣпымъ эмоциональнымъ возбужденіямъ, приводящимъ къ поступкамъ, влекущимъ за собою социальныя бѣдствія. Въ этомъ важное политическое значеніе науки, какъ фактора, укрѣпляющаго социальную жизнь и сообщающаго государству устойчивость.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что политическій, экономическій, моральный прогрессъ и упадокъ того или другого народа будетъ опредѣляться степенью уваженія къ наукѣ и распространенія ея въ населеніи, степенью возможности располагать научно-развитыми умами, могущими утилизировать силы природы и упорядочи-

вать человѣческія отношенія, наличнымъ запасомъ людей, понимающихъ, какую роль играетъ наука въ современномъ мірѣ и въ чемъ состоитъ дѣйствительная основа дѣятельности націй, людей, способныхъ находить новые базисы устойчивости государства въ виду измѣняющихся политическихъ, социальныхъ и экономическихъ условій. Словомъ, отношеніе къ наукѣ, развитіе и распространеніе научныхъ знаній въ томъ или иномъ современномъ государствѣ, проникновеніе его населенія научнымъ духомъ—вотъ что даетъ ему силу и значеніе въ великомъ міровомъ состязаніи, вотъ что вноситъ во взаимныя отношенія отдѣльныхъ группъ населенія больше справедливости, больше правды и обезпечиваетъ гражданамъ возможность широко пользоваться культурными благами.

Напротивъ того, если уваженіе къ наукѣ недостаточно проникло въ сознаніе населенія и особенно его руководящихъ классовъ и просвѣтительныхъ органовъ, въ разныхъ сферахъ государственной и общественной дѣятельности выступаютъ люди, которые плохо понимаютъ природу силъ, ихъ окружающихъ, и оказываются неспособными разбираться въ сложномъ взаимодействіи разнообразныхъ факторовъ общественной эволюціи, люди, обнаруживающіе склонность мѣрять настоящее мѣркой давно отжившаго прошлаго и игнорирующіе запросы настоящаго. Знанія, какими вооружаетъ ихъ школа, далеко отставшая отъ общаго хода культуры, оказываются архаическими орудіями, бесполезными въ жизненной борьбѣ, непригодными для предохраненія ихъ самихъ и цѣлой націи отъ разрушительныхъ вѣшнихъ и внутреннихъ воздѣйствій.

При такихъ условіяхъ и сильныя націи могутъ остановиться въ своемъ развитіи и въ концѣ-концовъ погибнуть, какъ погибали когда-то крупныя и сильныя животныя, остатки которыхъ открываетъ намъ геологія. Для нѣкоторыхъ случаевъ извѣстно, что эти колоссы

животнаго царства, бывшіе долго господами положенія на землѣ, погибали при столкновеніи съ болѣе мелкими и слабыми созданіями, въ силу того, что упорно сохраняли свою архаическую, переставшую соответствовать новымъ условіямъ организацію, или дѣлали въ ней неудачныя и частичныя измѣненія, не приведенныя въ гармоническое соответствіе съ цѣлымъ.

Итакъ, едва ли мы ошибемся, сказавъ, что образовательной системой, соответствующей духу того историческаго періода, въ который рѣшительно и безповоротно вступило человѣчество, можетъ быть только такая система, которая не игнорируетъ или только терпитъ науку, а ставитъ ее во главу угла, — система, проникнутая научнымъ духомъ, научнымъ методомъ, развивающая въ учащихся любовь и уваженіе къ наукѣ и къ правдѣ, научный складъ ума, навыкъ къ наблюденію природы и человѣческихъ отношеній и къ безпристрастнымъ изъ нихъ выводамъ, — система, не разрушающая никакихъ дорогихъ человѣчеству основъ его природы, и не посягающая ни на моральныя, ни на эстетическіе идеалы, а напротивъ, упорядочивающая и углубляющая все доброе, все истинно цѣнное.

Образованіе религіозное, займетъ и въ этой системѣ подобающее ему мѣсто, но оно въ той новой атмосферѣ, которая водворится въ школѣ, сдѣлается болѣе дѣйственнымъ, болѣе проникновеннымъ. На урокахъ научныхъ предметовъ юноши будутъ изучать великую книгу природы, будутъ слышать — по извѣстному выраженію Бэкона — „голосъ Бога, раскрывающійся въ томъ, что существуетъ“, а духовные наставники своими путями будутъ вести учащихся къ познанію иныхъ сторонъ міра и человѣческой природы, благотворно дѣйствуя на ихъ сердце и волю.

Наука въ средней школѣ.

Какъ же понимать это основное требованіе, предъявляемое къ школѣ, долженствующей соответствовать духу и стремленіямъ современной эпохи? Значитъ ли это, что въ такой школѣ, съ самыхъ низшихъ ея классовъ и до высшихъ, должны преподаваться разныя науки въ строгой системѣ и послѣдовательности, въ родѣ того, какъ онѣ преподаются въ университетахъ, но лишь въ болѣе сокращенной формѣ и по особымъ, специально для этого составленнымъ учебникамъ? Значитъ ли это, что уже средняя школа должна быть призвана готовить специалистовъ и разбить свой учебный планъ на группы, въ подражаніе университетскимъ факультетамъ?

Такое толкованіе могло бы вызвать цѣлый ураганъ возраженій, но я не имѣю въ виду ничего подобнаго. Средняя школа должна содѣйствовать распространенію въ странѣ людей съ научнымъ складомъ ума своими, соответствующими ея средствамъ и задачамъ способами, сущность которыхъ выяснится изъ слѣдующаго.

Одно изъ простѣйшихъ опредѣленій того, что такое представляетъ собою научный складъ ума можетъ быть дано въ слѣдующемъ видѣ: умѣнье хорошо видѣть собственными глазами и здраво судить собственнымъ умомъ. Въ этомъ опредѣленіи слова „умѣнье видѣть собственными глазами“ слѣдуетъ понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ, какъ умѣнье пользоваться всѣми органами чувствъ. Вышеприведенная формула имѣетъ, слѣдовательно, въ виду развитую способность наблюдать (всѣми органами чувствъ) объекты и явленія окружающей природы — не исключая и человѣческой — и мыслить о нихъ собственнымъ умомъ, а не запоминать чужія мысли и описанія. Изъ этого умѣнья собственно и возникли всѣ науки, составляющія славу и отличительную характеристику нашего времени.

Чрезвычайная важность только что названнаго каче-

ства ума и его роль въ возникновеніи и развитіи всѣхъ наукъ, облегчающихъ и украшающихъ нашу жизнь, станетъ еще понятнѣе, если припомнить, что самое наше существованіе и наша духовная жизнь только и мыслимы въ связи съ окружающимъ міромъ. Мы можемъ познать себя и съ физической и съ психической стороны лишь постольку, поскольку мы познаемъ со всѣхъ сторонъ врывающіяся и ранѣе ворвавшіяся въ нашу жизнь явленія внѣшняго міра.

Пожалуй кто-нибудь скажетъ, что это слишкомъ ужъ просто, но не вѣрно, что всѣ видятъ, слышатъ и осязаютъ, однако далеко не всѣ обладаютъ научнымъ складомъ ума. Но въ томъ-то и дѣло, что можно видѣть не такъ, какъ всѣ, что можно видѣть несравненно больше, чѣмъ видитъ человѣкъ, не изощрившій своихъ органовъ чувствъ и своей наблюдательности; можно видѣть зря и можно видѣть разумно; можно видѣть сквозь очки, которыя въ своихъ видахъ надѣваютъ на насъ другіе люди, и можно имѣть открытые глаза на міръ.

Едва ли есть надобность доказывать, что правильно развитая способность наблюдать природу и человѣка какъ часть ея и дѣлать изъ своихъ наблюденій точные и безпристрастные выводы есть основное качество ума, необходимое человѣку во всѣхъ сферахъ научной дѣятельности; но это же качество ума въ равной мѣрѣ необходимо людямъ, дѣятельность которыхъ такъ или иначе соприкасается съ наукой, а въ настоящее время, какъ мы уже видѣли, едва ли есть хоть какой-нибудь родъ дѣятельности, государственной, общественной или промышленной, который съ нею не соприкасается.

Это умѣніе нужно и ученому, стремящемуся разгадать тайны природы или понять мотивы и условія, опредѣлившіе то или иное теченіе историческихъ событій. Это умѣніе нужно и врачу, чтобы легко и скоро ориентироваться среди разнообразныхъ явленій, совершаю-

щихся въ организмѣ больного, и въ условіяхъ окружающей его обстановки. Это умѣніе нужно и дипломату, чтобы наблюдать и понимать жизнь другихъ народовъ и правильно разбираться въ ея проявленіяхъ; оно нужно и администратору, чтобы знать и понимать, что вокругъ него дѣлается; и юристу, имѣющему дѣло съ разнообразными типами человѣческой природы и съ разнообразными родами человѣческой дѣятельности; и торговому человѣку, чтобы слѣдить за измѣняющимися потребностями рынка и во-время къ нимъ приспособляться. Это же качество ума нужно и каждому гражданину, чтобы сознательно и по собственному разумѣнію служить своей родинѣ.

Пожалуй кто-нибудь подумаетъ, что мы стучимся въ открытую дверь, что и теперь въ нашихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ преподаются науки и учащіяся приобрѣтаютъ въ доступныхъ имъ предѣлахъ научный складъ ума, что тамъ есть и алгебра, и геометрія и географія, и космографія и естественная исторія и т. д.

Все это такъ повидимому, но не такъ по существу. Есть, конечно, учебныя заведенія, руководители и преподаватели которыхъ употребляютъ всѣ усилія, чтобы поставить преподаваніе научно, но это явленія исключительныя, рѣдкія. Въ общемъ же, насколько каждый изъ насъ можетъ судить по собственному и своихъ близкихъ опыту и по достигаемымъ результатамъ, приходится признать, что между учебными предметами школьнаго преподаванія и науками громадная разни́ца. Нельзя, напримѣръ, признать научнымъ преподаваніе математики, если все вниманіе обращено на то, чтобы научить ученика считать да дѣлать искусственно запутанныя задачи-фокусы, имѣющія цѣлью не выясненіе теории и упражненіе въ математическомъ мышленіи, а обнаруженіе на экзаменѣ искусства рѣшать хитрыя задачи; нельзя считать научнымъ преподаваніе естествознанія, которое ограничивается книжными рассказами

о предметахъ и явленіяхъ природы, безъ прикоснове-
нія къ самой природѣ, — преподаваніе, въ которомъ
собственное наблюденіе учащагося замѣняется расска-
зомъ, картинкой и, въ лучшемъ случаѣ, демонстраціей
издали модели предмета или препарата, а личный опытъ
замѣняется опытомъ, который подготавливаетъ и дѣлаетъ
учитель.

Не будемъ множить примѣровъ, а укажемъ нѣкото-
рые изъ признаковъ, по которымъ можно распознать
научное и ненаучное преподаваніе, истинную науку отъ
псевдонауки.

Если „наука“ только передаетъ разрозненные факты,
излагаетъ чужія мнѣнія и сообщаетъ полезныя или без-
полезныя свѣдѣнія, если учащемуся предлагаются зак-
люченія, которыя не вытекаютъ изъ классификаціи фак-
товъ и въ то же время не признаются и за простыя
предположенія, это плохая наука или вовсе не наука.
Настоящая научная работа предполагаетъ основатель-
ное, по возможности самостоятельно пріобрѣтенное зна-
ніе хотя бы небольшой группы фактовъ, способность
и привычку распознавать ихъ послѣдовательность и ихъ
взаимныя соотношенія, объективно анализировать и
классифицировать ихъ и на основаніи ихъ составлять
сужденія, независимыя отъ личныхъ склонностей, вку-
совъ и симпатій и одинаково истинныя для всякаго
индивидуальнаго ума, какъ и для нашего собственнаго.
Такая работа неудержимо ведетъ умъ къ распознаванію
внутренней логической связи фактовъ, къ открытію за-
коновъ, которымъ они подчинены. Научное преподава-
ніе должно давать или научать добывать знанія такъ,
чтобы они были подчинены опредѣленнымъ законамъ,
чтобы эти законы, управляющіе фактами, по крайней
мѣрѣ чувствовались какъ нѣчто независимое отъ лич-
ныхъ мнѣній или желаній учителя.

Не слѣдуетъ впрочемъ думать, что задача средней
школы изученіе и нахожденіе законовъ, лежащихъ въ

основѣ обширнаго круга явленій; это дѣло высшей
школы и специальныхъ научныхъ занятій. Въ средней
школѣ главное вниманіе должно быть обращено на рас-
крытіе возможности точнаго научнаго объясненія отдѣль-
ныхъ фактовъ и явленій или небольшихъ группъ ихъ
и на указаніе путей къ такимъ объясненіямъ. Здѣсь
ученики могутъ и должны работать собственнымъ умомъ,
пользуясь помощью и указаниями учителя. Болѣе глу-
бокія обобщенія могутъ дѣлаться лишь тогда, когда этотъ
подготовительный путь уже основательно разработанъ.

Работая въ такомъ направленіи, учащіеся постепенно
пріобрѣтаютъ привычку дѣлать заключенія на основа-
ніи точнаго изученія фактовъ, независимо отъ ихъ лич-
ныхъ симпатій, что и составляетъ характерную черту
того, что называется научной дисциплиной, научнымъ
складомъ ума.

Человѣкъ, прошедшій научную школу и съ юныхъ
лѣтъ воспитанный въ себѣ привычку строго анализи-
ровать факты, распознавать ихъ взаимоотношенія и на
основаніи полученныхъ результатовъ предвидѣть есте-
ственные неизбѣжныя послѣдствія этихъ фактовъ, —
такой человѣкъ, можно надѣяться, будетъ вносить на-
учный методъ и въ область общественныхъ задачъ;
онъ едва ли будетъ удовлетворяться поверхностными
сужденіями или руководиться въ своей дѣятельности
неопредѣленными мнѣніями и предрасудками, онъ бу-
детъ требовать ясныхъ разсужденій и точныхъ дока-
зательствъ. Знаніе, правда, справедливость, человѣч-
ность сдѣлаются для него жизненными потребностями.

Эта научная дисциплина ума, составляющая чрез-
вычайно важный элементъ въ воспитаніи, дается только
самодѣтельной работой, а не пассивнымъ заучиваніемъ
фактовъ, и объясненій, изложенныхъ въ книжкахъ.

Заботится ли современная школа объ этой необхо-
димой основѣ всякаго знанія и всякой культуры. Какъ
это ни странно, но приходится отвѣтить отрицательно.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ учебное дѣло поставлено въ ней такъ, что преподаватели не имѣютъ возможности слѣдить за тѣмъ, какое вліяніе оказываетъ на ученика ихъ преподаваніе, правильно или неправильно развиваются его умственные силы, что онъ думаетъ и какъ онъ думаетъ. Имъ приходится думать больше о томъ, что приготовилъ ученикъ къ экзамену, какъ онъ будетъ отвѣчать на экзаменѣ. Въ погонѣ за вѣдреніемъ въ головы учениковъ огромнаго множества плохо продуманныхъ и несвязанныхъ въ общую систему фактическихъ знаній и готовыхъ выводовъ по унаслѣдованному отъ отдаленныхъ вѣковъ догматическому методу, средняя школа не находитъ времени и не признаетъ необходимости развивать умъ путемъ естественной и сообразной съ возрастомъ работы надъ образами и понятіями, составленными самими учащимися, путемъ, наблюдений надъ дѣйствительными предметами. Весьма нерѣдко этимъ архаическимъ способомъ обучаютъ дѣтей такимъ предметамъ, надъ которыми еще и не можетъ сознательно работать дѣтскій умъ еще неокрѣпшій, не подготовленный предварительными болѣе ему доступными упражненіями. Обремененная непосильными ей задачами школа не находитъ времени и возможности позволить ученикамъ размышлять во время самаго пріобрѣтенія впечатлѣній, во время наблюдений и опытовъ и далѣе оперировать надъ живыми ихъ собственными впечатлѣніями. Заваливая ученика работой и не оставляя ему свободнаго времени, чтобы сосредоточить свои мысли, школа какъ бы не хочетъ признавать, что самый вѣрный и прочный путь умственного развитія — путь самостоятельнаго размышленія, что самая важная задача школы дать учащемуся методъ, указать ему путь, научить думать и учиться.

При такой системѣ хорошіе ученики обнаруживаютъ знанія и выдерживаютъ экзамены, но эти формальныя книжныя знанія, которыя на экзаменахъ сходятъ за науку, не сдѣлались органическою частью ихъ природы, это что-то чуждое имъ, удерживаемое только памятью

и обреченное отпасть, какъ только минуетъ надобность обнаруживать это подобіе знанія. Окончившіе школу ея питомцы, очутившись среди сложныхъ условій дѣйствительной жизни, частью безпомощно гибнутъ подъ давленіемъ этихъ условій, частью всю жизнь болѣзненно чувствуютъ недостатки своего образованія и свою безпомощность. Съ какою горечью вспоминаютъ они этотъ тяжелый, бесплодный и бесполезный трудъ, это вавилонское плѣненіе ихъ духа, въ которомъ они провели лучшіе годы своей жизни, — годы, въ которые человекъ развивается тѣлесно и духовно и пріобрѣтаетъ главный основаній запасъ своихъ знаній на всю жизнь. Кто исчислитъ, что потеряла страна отъ того, что этимъ лицамъ не пришлось пройти настоящую научную школу, что имъ не было дано тѣхъ орудій плодотворной работы, которыя имъ теперь такъ необходимы.

Педагогическая разработка учебнаго плана средней школы.

Выше мы разсмотрѣли, почему наука должна быть положена въ основу современной системы образованія. Для того, чтобы система такимъ образомъ построенная, оказалась дѣйственной, для того, чтобы она дала плодотворные и благотворные результаты, она еще должна быть разработана педагогически и при томъ въ двухъ направленіяхъ: 1) распределеніе матеріала, методы и приемы преподаванія должны быть приведены въ строгое соотвѣтствіе съ развивающимися тѣлесными и духовными силами учащихся, съ возникающими запросами и потребностями ихъ духа и 2) всѣ предметы и ихъ отдѣлы должны быть такъ распределены, чтобы одинъ могъ опираться на другой и чтобы всѣ вмѣстѣ они составили стройный организмъ знанія.

Педагогическимъ совѣтамъ учебныхъ заведеній и отдѣльнымъ преподавателямъ придется много поработать надъ этими задачами. Здѣсь мы ограничимся лишь нѣ-

сколькими общими замѣчаніями касательно той и другой. Сначала о первой.

Воспитатель обязанъ поставить юный организмъ въ возможность развиваться правильно какъ тѣлесно, — что дѣлается само собой при благоприятныхъ условіяхъ питанія, упражненія и отдыха, — такъ и духовно. Для обезпеченія правильнаго умственнаго развитія педагогъ долженъ изучить фазы развитія душевныхъ силъ учащагося и соотвѣтственно имъ упражнять его умъ и давать ему соотвѣтствующую возрасту и развитію пищу. Такъ, въ младшихъ классахъ должна быть сохранена возможность продолжать начатое въ дошкольномъ возрастѣ пріобрѣтеніе свѣдѣній о предметахъ и явленіяхъ окружающей природы путемъ самостоятельныхъ наблюденій и простыхъ опытовъ. Всѣ проявленія душевной жизни ребенка, все его пониманіе коренится въ конкретныхъ чувственныхъ воспріятіяхъ, полученныхъ дома въ семьѣ, въ играхъ съ товарищами, въ лѣсу, на лугу и т. д. Въ интересахъ постепеннаго развитія его духовныхъ силъ всего вѣрнѣе, особенно въ началѣ обученія, идти этимъ же путемъ, постепенно расширяя сферу наблюденій, давая возможность и помогая дѣлать изъ нихъ выводы и приучая къ работѣ отвлеченія, къ мышленію образами. Наиболѣе подходящий матеріалъ и условія для этого даетъ элементарное естествовѣдѣніе или міровѣдѣніе, которое имѣетъ предметомъ не только живую природу, но и явленія физическія, химическія, метеорологическія, поскольку они доступны дѣтскому пониманію. Элементарная географія стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ этимъ предметомъ, почти съ нимъ сливается. На урокахъ міровѣдѣнія (и отчасти на экскурсіяхъ) дѣти имѣютъ дѣло съ разнообразнѣйшими предметами и явленіями, при чемъ нерѣдко причина производитъ опредѣленный эффектъ тутъ же на ихъ глазахъ. Они видятъ, слышатъ, осязаютъ, различаютъ формы, цвѣтъ, вѣсъ, строеніе, обращаютъ вниманіе на

точки, углы, линіи, измѣряютъ, употребляютъ инструменты. Производя простѣйшіе опыты, учащійся приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ силами природы и научается управлять ихъ дѣйствіями. Предметы отсутствующіе и далекіе сравниваются съ близкими (особенно въ географіи), при чемъ работаетъ и развивается одна изъ великихъ силъ ума — воображеніе. Все это подготовляетъ почву для наукъ, при изученіи которыхъ непосредственное наблюденіе уже не имѣетъ мѣста или роль его ограничена. Параллельно съ развитіемъ наблюдательности дѣти научаются и классифицировать небольшія группы фактовъ и вырабатываютъ элементарные приемы научнаго мышленія. Этимъ путемъ они пріобрѣтаютъ драгоценное умѣнье справляться и со всякими другими группами фактовъ, съ которыми впослѣдствіи имъ придется встрѣтиться. Однако, въ силу слабого развитія въ этомъ возрастѣ объединяющей, обобщающей способности, а также и воли, здѣсь не слѣдуетъ настаивать на работѣ систематизаціи, на уясненіи сложныхъ соотношеній между отдѣльными группами фактовъ и явленій и нужно избѣгать продолжительнаго сосредоточенія вниманія на однородныхъ фактахъ. Система должна быть въ головѣ учителя и опредѣлять порядокъ и характеръ занятій; въ головѣ ученика познанія, пріобрѣтенныя въ эту пору, систематизируются позже. Главною задачей преподаванія въ этомъ возрастѣ должно быть ознакомленіе съ формами растительнаго, животнаго и минеральнаго царствъ, изученіе типичныхъ географическихъ формъ при помощи картинъ, художественныхъ описаній и на экскурсіяхъ, изученіе простѣйшихъ физическихъ, химическихъ и метеорологическихъ явленій при помощи опытовъ и наблюденій природы. Главное значеніе всѣхъ этихъ упражненій въ томъ, что они даютъ учащемуся возможность самому развивать, формировать свой интеллектъ, а не пассивно воспринимать то, что написано въ книжкѣ

или что говорит учитель. Если дѣло поставлено иначе, если умъ учащагося не работаетъ активно надъ реальными предметами, если въ преподаваніи личный и дѣятельный элементъ отсутствуетъ, естествознаніе утрачиваетъ свою высокую образовательную силу и дѣлается индифферентнымъ предметомъ книжнаго школьнаго преподаванія, безсильнымъ воспитать способность хорошо видѣть и понимать то, что совершается въ окружающемъ мірѣ.

Другіе предметы должны какъ бы продолжать и расширять тѣ пути, на которыхъ умъ учащихся можетъ въ данное время плодотворно работать. Освоеніе съ формами и понятіями родного языка, чтеніе художественныхъ образцовъ отечественной литературы, занятія ариметикою и геометріей, опирающіяся на конкретный матеріалъ, должны быть отнесены къ этому же возрасту.

Въ среднихъ классахъ (13—15 л.) умъ легче справляется съ работой отвлеченія и систематизаціи, развитая воля дѣлаетъ возможной настойчивую работу, продолжительное сосредоточеніе мысли. Ранѣе приобрѣтенныя разрозненныя познанія могутъ теперь систематизироваться и найти примѣненіе къ уразумѣнію болѣе сложныхъ явленій. Свѣдѣнія о природѣ, географическія познанія могутъ теперь быть приведены въ систему и вообще всѣ предметы могутъ быть преподаваемы здѣсь болѣе систематично. Преподаваніе математики можетъ быть теперь значительно усилено, даже преимущественно здѣсь сосредоточено; также и изученіе языковъ можетъ дать здѣсь наиболѣе благоприятные результаты. Развитіе художественныхъ наклонностей не должно и здѣсь оставаться въ пренебреженіи.

Въ старшихъ классахъ умственная работа еще болѣе осложняется. Ея характеръ долженъ сообразоваться съ слѣдующими обстоятельствами. Въ это время пробуждается стремленіе объединить всѣ знанія и впе-

чатлѣнія въ цѣльное мировоззрѣніе и выработать программу жизни. Юноша начинаетъ чувствовать свою духовную связь съ другими людьми своей страны и своей эпохи, онъ хочетъ опредѣлить свои обязанности по отношенію къ родной странѣ и подготовиться къ участію въ духовно-исторической жизни своего народа. Соотвѣтственно этому здѣсь всего умѣстнѣе занятія предметами обобщающаго характера. Мировая и особенно отечественная географія, космографія, физиологія, занятія исторіей, литература, чтеніе писателей критиковъ, ознакомленіе съ политическими учрежденіями и т. п. должны играть здѣсь самую видную роль.

Само собою разумѣется, что ученику русской школы во всѣхъ возрастахъ всего ближе, роднѣе и понятнѣе будетъ и должно быть свое родное. Онъ долженъ имѣть возможность основательно познакомиться съ родиной, съ ея природой—изъ географіи и естествознанія, съ ея народнымъ духомъ и складомъ—изъ отечественной литературы, съ ея историческими судьбами и задачами—изъ отечественной исторіи.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ по второму вопросу о взаимной связи преподаваемыхъ предметовъ.

Уже было указано, что въ младшихъ классахъ всѣ естественныя науки должны составлять одинъ цѣльный предметъ—мировѣдѣніе, что географія должна тѣснѣйшимъ образомъ примкнуть къ мировѣдѣнію. Тѣсная взаимная связь всѣхъ естественныхъ наукъ, географіи и космографіи не должна быть упускаема изъ вида и во всѣхъ слѣдующихъ классахъ, гдѣ науки проходятся болѣе систематично. Учащіеся должны чувствовать, что эти подраздѣленія имѣютъ только условное значеніе.

Не только предметы, входящіе въ составъ этой естественной группы, должны быть тѣсно между собою связаны, но и остальные предметы должны быть поставлены въ связь между собою и образовать есте-

ственные группы, которые въ свою очередь должны войти въ тѣсное соприкосновеніе съ сосѣдними группами. Преподаватели отдѣльныхъ предметовъ не должны работать изолированно, не справляясь о томъ, что дѣлается другими, а напротивъ, заботиться объ установленіи точекъ соприкосновенія съ тѣмъ, что дѣлаютъ ихъ товарищи.

Такъ, геометрія можетъ усилить конкретный элементъ и развить способность видѣть геометрическіе образы, опираясь на рисованіе и міровѣдѣніе, и въ свою очередь придти на помощь этимъ предметамъ въ расширеніи, упорядоченіи, уточненіи свѣдѣній, приобретаемыхъ при ихъ изученіи. Ариѳметика должна принять болѣе научный видъ и тѣснѣе сблизиться съ одной стороны съ алгеброй, съ другой—міровѣдѣніемъ, физикой, химіей. При этихъ условіяхъ преподаваніе математики можетъ сдѣлаться менѣе отвлеченнымъ. Ученикъ ясно будетъ видѣть въ ней могучее орудіе пріобрѣтенія и расширенія познаній о мірѣ и приведенія ихъ въ болѣе точную форму. Съ самаго начала курса онъ долженъ пріучаться пользоваться этимъ орудіемъ и владѣть имъ легко и свободно. Упражняясь въ рѣшеніи задачъ, ученикъ будетъ чувствовать, что это задачи настоящія, естественно возникающія изъ жизни, а не выдуманная, условная; онъ будетъ работать съ усердіемъ и увлеченіемъ, присущимъ всякой жизненной работѣ; умственные силы его будутъ находиться въ здоровомъ возбужденіи, будутъ расти и крѣпнуть. Натаскиваніе въ рѣшеніи разныхъ задачъ для экзамена,—задачъ, смыслъ и назначеніе которыхъ мало понятны учащемуся, отойдетъ въ область преданій, такъ же какъ и та инстинктивная боязнь математическихъ формулъ, которую многіе выносятъ изъ школы. Само собою разумѣется, что всѣ математическія науки и всѣ ихъ отдѣлы должны преподаваться такъ, чтобы ихъ взаимная связь и зависимость были

постоянно видны учащимся, чтобы вся область математическихъ знаній раскрывалась передъ ними, какъ нѣчто цѣльное, стройное и единое.

Всѣ языки также должны составить одну естественную группу предметовъ, взаимно поддерживающихъ другъ друга, и центральнымъ изъ нихъ, на которомъ должно быть сосредоточено преимущественное вниманіе, долженъ быть, конечно, языкъ отечественный. Изученіе литературы должно быть поставлено въ тѣсное соотношеніе съ курсомъ исторіи, а эта послѣдняя, опираясь на естествовѣдѣніе и географію, совмѣстно съ литературой, должна раскрывать учащемуся новыя области проявленія человѣческаго духа, способнаго до извѣстной степени побѣждать условія матеріальнаго міра и раздвигать его предѣлы въ область идеальнаго.

При дружной совмѣстной работѣ всѣхъ преподавателей школы постепенно развивающійся умъ юноши будетъ постоянно усматривать связь между элементами познанія, нынѣ стоящими особнякомъ. Познанія, постепенно пріобрѣтаемая ученикомъ, будутъ объединяться, укрѣпляться и углубляться. Каждый новый отдѣлъ науки, даже каждый урокъ или рядъ уроковъ, посвященныхъ какому-либо вопросу, будетъ для учащагося новымъ завоеваніемъ, которое при извѣстной бодрости неистомленнаго ума немедленно будетъ ставиться въ связь съ завоеваніями въ области другихъ предметовъ.

Регуляторъ правильной постановки учебнаго дѣла.

Какъ же однако ориентироваться въ сложной задачѣ распредѣленія учебнаго матеріала соответственно двумъ вышеуказаннымъ требованіямъ, гдѣ тотъ регуляторъ, который указывалъ бы, что работа ведется правильно, и давалъ бы возможность избѣгать весьма естественныхъ въ подобномъ дѣлѣ ошибокъ?

Какъ скоро дѣло преподаванія поставлено на правильный путь, тогда естественнымъ и необходимымъ стимуломъ въ работѣ учащихся всѣхъ возрастовъ будетъ *интересъ* къ предмету, интересъ къ исполняемымъ задачамъ. Этотъ интересъ, это одушевленіе въ работѣ и должны быть регуляторомъ и указателемъ правильного распредѣленія матеріала по возрастамъ и хорошаго метода преподаванія.

Чѣмъ же будетъ питаться и поддерживаться этотъ интересъ, являющійся не только регуляторомъ, но и необходимымъ условіемъ успѣшной и плодотворной работы?

Во-первыхъ, онъ естественно будетъ возникать изъ свойственной ребенку и юношѣ любознательности и склонности къ мышленію, если эта любознательность будетъ удовлетворяться и мышленіе будетъ получать доступную ему пищу. Этотъ интересъ будетъ постоянно поддерживаться тѣмъ, что уму юноши будутъ постепенно выясняться причинныя соотношенія предметовъ и явленій и будутъ все болѣе и болѣе раскрываться смыслъ, значеніе и связь фактовъ, первоначально изолированныхъ и не вполне понятныхъ.

Далѣе, дѣтская природа стремится проявить себя въ разнообразныхъ формахъ дѣятельности; работа доставляетъ удовольствіе, если только попытки проявить дѣятельность не парализуются, а лишь цѣлесообразно направляются, и если работа имѣетъ смыслъ и настоящее жизненное значеніе. Эстетическій элементъ, вносимый въ работу художественнымъ изложеніемъ или иллюстраціями, также можетъ быть стимуломъ, возбуждающимъ интересъ къ изучаемому предмету.

Ни одинъ предметъ не долженъ ставить учениковъ въ положеніе пассивно воспринимающаго аппарата; въ ихъ работѣ всегда долженъ быть извѣстный мотивъ, они должны видѣть цѣль, которая должна быть достигнута. Умственная работа не должна подавлять есте-

ственной потребности къ физической. Лабораторныя научныя занятія должны смѣняться литературными, физической трудъ и разумныя игры должны играть соотвѣтствующую роль въ воспитаніи, цѣлью котораго должно быть развитіе здороваго и бодрого челоука съ яснымъ и здравымъ мышленіемъ, съ душою, не чуждою эстетическихъ эмоцій, и съ сердцемъ чуткимъ и открытымъ для добра.

Если ученики будутъ одушевлены интересомъ къ своему дѣлу и желаніемъ работать надъ предлагаемыми имъ задачами, они легко будутъ преодолевать трудности работы, школа станетъ для нихъ мѣстомъ, гдѣ передъ ними раскрывается столько новаго и привлекательнаго, а въ учителяхъ они будутъ видѣть своихъ естественныхъ руководителей.

При такой постановкѣ учебныхъ занятій необыкновенно облегчается или вовсе упраздняется вопросъ о дисциплинѣ и внѣшнемъ порядкѣ въ школѣ,—вопросъ, представляющій въ нынѣшнихъ школахъ столько затрудненій.

Антагонизмъ семьи и школы самъ собою исчезнетъ, какъ скоро семья убѣдится, что школа дѣйствительно заботится о благѣ учащихся, развиваетъ ихъ умъ, способствуетъ укрѣпленію ихъ физическихъ силъ и даетъ имъ дѣйствительно пригодныя для жизни познанія.

Школа, въ которой внѣшней объективной основой является серьезная научная работа, а внутренней психологической основой — интересъ къ своему дѣлу, не будетъ и не должна быть школой легонькой, въ которой дѣти учатся только шутя и играя: нѣтъ, это будетъ серьезная школа, школа труда, но труда, живого и плодотворнаго; а не притупляющаго умъ, и изсушающаго душу. Русскіе юноши не боятся труда, если только видятъ, что этотъ трудъ ведетъ къ благимъ цѣлямъ.

Современная школа, за немногими исключеніями, не

даетъ того умственнаго одушевленія, которое поднимаетъ энергію духа и даетъ людямъ бодрость и силы преодолевать препятствія. Въ ней преобладаютъ занятія, убивающія оригинальность и самостоятельность мысли и приучающія слѣпо вѣрить тому, что написано въ книгѣ или сказано учителемъ. Ученикъ чувствуетъ, что школьная наука мало развиваетъ его, а часто и притупляетъ его природныя дарованія и вовсе не отвѣчаетъ естественнымъ запросамъ его души. Онъ идетъ въ школу не съ интересомъ, а какъ бы отбывая какую-то скучную повинность. Мало-по-малу такое отношеніе къ своему дѣлу становится для него привычнымъ, и даже самый интересъ къ жизни для него блѣднѣетъ. Онъ теряетъ способность преслѣдовать цѣли жизни съ одушевленіемъ и энергіей и въ зрѣломъ возрастѣ становится плохимъ чиновникомъ, плохимъ техникумъ, плохимъ общественнымъ дѣятелемъ.

Удивительно ли, что наша страна терпитъ неисчислимыя потери отъ недостатка на разнообразныхъ отвѣтственныхъ постахъ людей просвѣщенныхъ, умѣлыхъ, сильныхъ духомъ, любящихъ свое дѣло, сознающихъ свои гражданскія обязанности. Откуда выработаться такимъ качествамъ у людей, если они свое дѣтство и юность провели за дѣломъ, которое они дѣлами изъ страха или по приказу; если вмѣсто справедливаго и доброжелательнаго отношенія къ себѣ они сплошь и рядомъ встрѣчали сухой формализмъ и фальшь. Въ дѣтствѣ и юности остаются на всю жизнь, человѣкъ дѣлается тѣмъ, что онъ есть, подъ влияніемъ того, что онъ видѣлъ, чувствовалъ, пережилъ. Измѣнимъ эти впечатлѣнія дѣтства и юности, и уже въ недалекомъ будущемъ исчезнетъ то гнетущее настроеніе, которое переживаетъ современное поколѣніе и которое такъ ярко отражается въ новѣйшей литературѣ.

Нельзя конечно думать, что нынѣшнее безжизненное схоластическое и книжное преподаваніе многихъ

предметовъ можетъ быть сразу, по распоряженію начальства, замѣнено новымъ — живымъ и научнымъ. Методика многихъ предметовъ далеко не разработана въ указанномъ здѣсь направленіи, да и гдѣ бы она могла быть разработана?

Никто, напримѣръ, не сомнѣвается въ великомъ развивающемъ значеніи живого общенія съ природой, но и естественныя науки весьма нерѣдко, чтобы не сказать обыкновенно, преподаются такъ, что ихъ значеніе сводится къ нулю, и это оттого, что педагоги, воспитанные въ формальной школѣ, мало проникнуты сознаніемъ необходимости и полезности самостоятельной работы надъ конкретнымъ матеріаломъ. Очевидно, много придется поработать надъ разработкой методовъ преподаванія почти всѣхъ предметовъ. Сдѣлать школьное преподаваніе болѣе научнымъ необходимо и возможно. Объ этой возможности свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что великіе классики науки обыкновенно болѣе понятны и ихъ читать болѣе полезно, чѣмъ популяризаціи, сдѣланныя людьми, менѣе проникнутыми научнымъ методомъ.

Разъ будетъ признана неудовлетворительность существующаго, разъ будутъ созданы условія, при которыхъ новое получило бы возможность выработаться и развиваться¹⁾, найдутся люди, которые бодро вступятъ на новый путь, и нынѣ далекая цѣль скоро будетъ достигнута. Главное, что прежде всего нужно сдѣлать, это опредѣленно и рѣшительно заявить, что основой образованія должна быть наука, что краеугольнымъ камнемъ средняго образованія долженъ быть не латинскій или греческій языкъ, не прикладныя техническія познанія, не начитанность по современнымъ политическимъ или экономическимъ вопросамъ, а растущее и развивающееся разумное человеческое существо съ его потребностями и запросами.

¹⁾ О томъ, какъ создать эти условія, будетъ рѣчь ниже.

Множественность типовъ школы или единая школа?

Въ виду нѣкоторой неизбежной эскизности намѣчаемаго нами типа общеобразовательной школы, быть можетъ, кто-нибудь спроситъ, не представляетъ ли этотъ типъ лишь нѣкоторое измѣненіе образованія реального, служащаго базисомъ для высшаго технического образованія, и не слѣдуетъ ли, параллельно съ этимъ улучшеннымъ реальнымъ образованіемъ, оставить образованіе классическое или преимущественно литературное для подготовленія будущихъ людей науки и лицъ, имѣющихъ занять ответственныя посты въ государственномъ управленіи и разныхъ сферахъ общественной дѣятельности. Постараемся отвѣтить на эти вопросы и тѣмъ еще точнѣе выяснитъ характеръ намѣчаемаго здѣсь типа школы.

Изъ вышеизложеннаго видно, что предлагаемый типъ школы по характеру и духу преподаванія въ ней отличается и отъ нынѣшнихъ гимназій и отъ реальныхъ училищъ. Здѣсь не былъ приведенъ подробный учебный планъ съ указаніемъ числа часовъ на каждый предметъ въ каждомъ классѣ. Этимъ имѣлось въ виду показать, что этотъ планъ не можетъ быть данъ какъ нѣчто неизмѣнное, и подчеркнуть, что сущность дѣла не въ учебномъ планѣ и числѣ часовъ, а въ самомъ духѣ, въ характерѣ преподаванія.

Разработать учебный планъ въ вышеуказанномъ направленіи можно, исходя и изъ учебнаго плана гимназій и изъ учебнаго плана реального училища. Разумѣется, гимназія съ концентрированнымъ преподаваніемъ двухъ древнихъ языковъ, подавляющимъ все остальные предметы, представляютъ собою типъ, слишкомъ далеко стоящій отъ того, что здѣсь намѣчается, и улучшение его должно начаться съ разрушенія самыхъ его основъ. Напротивъ, преобразование на новыхъ началахъ гимназій съ однимъ древнимъ языкомъ

вполнѣ возможно, если этотъ древній языкъ откажется отъ былыхъ притязаній и займетъ подобающее ему скромное мѣсто среди другихъ предметовъ. Въ современной средней школѣ роль этого языка должна быть по преимуществу служебная; изученіе его должно имѣть главною цѣлью облегчить уразумѣніе строя и нѣкоторыхъ особенностей новыхъ языковъ и дать имъ нѣкоторую историческую основу и вполнѣмствіи облегчить будущему студенту занятія юридическими, филологическими и медицинскими науками, а для этихъ цѣлей достаточно выучиться читать и разбирать нетрудные тексты, не вдаваясь въ большія грамматическія или стилистическія тонкости. Что касается древнихъ литературъ, то мысль объ изученіи ихъ въ подлинникахъ должна быть оставлена, какъ цѣль не достижимая въ средней школѣ. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы учащіеся были вовсе лишены тѣхъ морализующихъ вліяній, какія могутъ возникнуть изъ знакомства съ идейнымъ содержаніемъ лучшихъ произведеній древнихъ литературъ. Но этого можно достигнуть, поставивъ изученіе исторіи и всеобщей литературы такъ, чтобы онѣ знакомили и съ античнымъ міромъ, но, конечно, не путемъ расчлененія античныхъ авторовъ на мелкія части и умерщвленія ихъ живого духа, а такъ, чтобы идеи и воззрѣнія авторовъ разъяснялись въ связи съ условіями, среди которыхъ они жили и творили, чтобы учащіеся имѣли возможность понять автора и полюбить въ его произведеніи то, что достойно любви.

Такимъ образомъ; намѣченный нами типъ школы, ставящій науку во главу угла, вовсе не стремится къ устраненію тѣхъ облагораживающихъ вліяній, какія можетъ дать правильно поставленное преподаваніе литературныхъ или гуманитарныхъ предметовъ и ознакомленіе съ величайшими произведеніями античнаго творчества; напротивъ, онъ имѣетъ въ виду сдѣлать

эти влияния болѣе жизненными, болѣе дѣйственными и глубокими.

Такая школа, имѣя въ своей основѣ науку, будетъ воспитывать въ своихъ питомцахъ чувство правды, любовь къ истинѣ. Облагороживающее влияние лучшихъ созданий человѣческой мысли, атмосфера труда и добрыя искреннія отношенія учащихся и учащихся будутъ содѣйствовать воспитанію добрыхъ нравственныхъ качествъ. Не игнорируя развитіе художественныхъ наклонностей учащихся, школа будетъ воспитывать въ нихъ любовь къ прекрасному—этотъ источникъ стремленій къ совершенству во всякомъ дѣлѣ и стимуловъ уклоненія отъ всего безобразнаго, нестройнаго, негармоничнаго. Такая школа, не стремящаяся сдѣлать изъ учащихся узкихъ специалистовъ, а имѣющая въ виду широкіе человѣческіе интересы, съ полнымъ правомъ могла бы назваться научно-гуманитарной. Она могла бы поставить своимъ девизомъ: „разумъ, согрѣтый и оживленный сердцемъ, сердце, просвѣщенное и направляемое разумомъ“.

Посмотримъ теперь, имѣются ли, при существованіи такой общеобразовательной школы, основанія стремиться къ созданію еще особой реальной школы, для подготовки къ техническимъ специальностямъ и особой классической школы, для подготовки къ научной дѣятельности и къ занятію отвѣтственныхъ государственныхъ должностей.

Если литературное или гуманитарное образование признается необходимымъ для занятій наукой, для будущихъ ученыхъ, врачей и государственныхъ людей, то непонятно, почему оно признается менѣе необходимымъ для будущихъ инженеровъ и техниковъ. Вѣдь и инженерамъ приходится сталкиваться съ не менѣе сложными житейскими вопросами и не менѣе важными человѣческими интересами, чѣмъ кабинетнымъ ученымъ, докторамъ или чиновникамъ, и облагороживающее, мо-

рализующее влияние литературнаго образования столь же необходимо и техникамъ и инженерамъ; значить, то же литературное образованіе должно имѣть мѣсто и въ школахъ, подготовляющихъ къ техническимъ специальностямъ. Чѣмъ же существеннымъ будутъ тогда отличаться эти послѣднія школы? Можетъ быть, тѣмъ что въ нихъ вмѣсто древнихъ языковъ основательно проходятся языки новые? Но вѣдь новые языки пожалуй еще нужнѣе людямъ, посвящающимъ себя университетской наукѣ (въ томъ числѣ и филологамъ), чѣмъ техникамъ и инженерамъ. Громадному большинству студентовъ во все продолженіе университетскаго курса не придется и не понадобится прочесть ни одной книжки на древнихъ языкахъ, такъ какъ научныхъ сочиненій на нихъ уже не пишутъ; но всѣмъ хоть сколько-нибудь работающимъ студентамъ безусловно необходимы языки нѣмецкій, французскій и очень часто англійскій. Можетъ быть, школы, приготовляющія, техниковъ, будутъ отличаться преобладаніемъ въ нихъ научнаго элемента? Но почему же онъ долженъ преобладать въ нихъ? Развѣ научный складъ ума менѣе нуженъ лицамъ, посвящающимъ себя университетской наукѣ, или лицамъ, имѣющимъ въ виду занять разныя государственныя должности?

Мнѣніе, что научная основа нужна только техникамъ и промышленникамъ, представляетъ печальное недоразумѣніе, объясняющееся тѣмъ, что немногіе имѣютъ правильное представленіе о томъ огромномъ количествѣ научныхъ задачъ, правильное разрѣшеніе которыхъ необходимо для государственныхъ интересовъ. Государство представляетъ самую огромную мастерскую, которая можетъ работать на уровнѣ современныхъ требованій только въ томъ случаѣ, если имѣется налицо достаточное количество хорошихъ работниковъ, т.-е. съ научно-развитымъ умомъ, вооруженныхъ солидными научными знаніями.

Преобладаніе литературнаго элемента въ образованіи не обезпечиваетъ развитіе этихъ качествъ, столь необходимыхъ будущимъ работникамъ въ этой великой мастерской; оно содѣйствуетъ формированію людей нѣсколько иного умственнаго склада.

Неодинаковое вліяніе литературнаго и научнаго элементовъ въ образованіи слѣдующимъ образомъ охарактеризовано въ извѣстномъ сочиненіи Лансона—*L'Université et la Société moderne*.

„Образованіе литературное—это образованіе, преимущественно развивающее воображеніе и чувство; ставя своею цѣлью распознаваніе прекраснаго, оно приучаетъ человѣка преувеличивать значеніе того, что ему нравится; стараясь пробудить въ каждомъ творческія дарованія, оно еще легче возбуждаетъ стремленіе выдѣляться и блистать; оно, наконецъ, выдвигаетъ, какъ высшія и завидныя формы человѣческаго духа, созданіе личныхъ идей и искусство подчинять имъ другихъ. Образованіе научное, имѣя дѣло съ истиннымъ, а не съ прекраснымъ, придаетъ больше цѣны провѣркѣ, чѣмъ изобрѣтенію и тѣмъ болѣе проповѣдыванію идей, оно развиваетъ способность сужденія и наблюдательность, оно приучаетъ къ изслѣдованію, къ терпѣливой и методической провѣркѣ, а не къ тому, чтобы вѣрить, что вещи таковы, какими намъ хочется или намъ полезно чтобы онѣ были; оно научаетъ человѣка не дѣлать поэтическихъ предположеній о томъ, о чемъ можно точно узнать; оно научаетъ отдавать должное работамъ и открытіямъ другихъ людей и продолжать эти работы, подчиняя свою дѣятельность тому, что сдѣлано ими. Образованіе литературное отлично можетъ создать, на ряду съ множествомъ неудачниковъ, нѣсколькихъ высшихъ избранниковъ, которые ослѣпляютъ міръ своей оригинальной и своенравной фантазіей; одно только научное образованіе можетъ улучшить все юное поколѣніе націи и сообщить ему тотъ духъ точности, метода, дисциплины, какой необходимъ для коллективной работы“.

Взвѣсивъ все сказанное, правильнѣе, кажется, признать, что единая школа, всесторонне развивающая духовныя способности учащихся, лучше будетъ готовить ихъ и къ университетской наукѣ и къ техническимъ специальностямъ, чѣмъ какія бы то ни было одноклассныя школы. При извѣстной гибкости своего устава, при извѣстной свободѣ въ выработкѣ учебныхъ плановъ эта единая школа получитъ возможность примѣняться къ разнымъ мѣстнымъ условіямъ и развиваться соотвѣтственно указаніямъ жизни и педагогическаго опыта. Боязнь мертвеннаго единообразія, какое будто бы угрожаетъ единой школѣ, едва ли имѣетъ основаніе.

На почвѣ нашей дѣйствительности гораздо больше опасностей представляетъ разнообразіе типовъ школы, будто бы обещающее возможность выяснить, какой изъ нихъ будетъ пользоваться большимъ сочувствіемъ общества, и будто бы дающее надежду на переживаніе наилучшаго путемъ медленнаго историческаго процесса.

Въ чемъ тутъ опасность, это выяснитъ слѣдующая историческая справка.

Реформа 1864 г., создавшая три типа школъ, была разработана съ чрезвычайною осмотрительностью и тщательностью, что, казалось, обезпечивало ей прочный успѣхъ. Можно было надѣяться, что каждый изъ трехъ типовъ будетъ развиваться и совершенствоваться, пока какой-нибудь не докажетъ на дѣлѣ своихъ преимуществъ и своей жизнеспособности, но, къ сожалѣнію, какъ это нерѣдко бываетъ въ дѣлахъ человѣческихъ, въ святое дѣло народнаго образованія проникъ духъ борьбы съ ея страстями. Въ результатѣ одному изъ типовъ— и именно среднему, свободному отъ неизбѣжныхъ крайностей двухъ другихъ рѣзко различающихся типовъ— не дали возможности развиваться, онъ былъ просто совсѣмъ устраненъ какъ неудобный, не рѣзко выражающій взгляды партій, а потому въ извѣстномъ смыслѣ и беззащитный; другой типъ не былъ уничтоженъ, но

былъ поставленъ въ крайне неблагоприятныя для развитія условія, чтобы слабыми результатами, имъ достигаемыми, лучше оттънать достоинство того третьяго типа, который одинъ пользовался покровительствомъ. Побѣдилъ этотъ третій типъ, и эта его побѣда и ея результаты уже сдѣлались достояніемъ исторіи. Подумаемъ объ ея урокахъ и взвѣсимъ хорошенько, къ чему на нашей богатой трениями почвѣ можетъ привести надежда на переживание наилучшаго.

Въ послѣднее время много говорили и писали объ единой школѣ съ бифуркаціями курса, будто бы дающими учащимся возможность выбирать курсъ, наиболѣе соответствующій ихъ естественнымъ склонностямъ, и въ то же время позволяющими придать курсу средней школы болѣе практической характеръ.

Всѣ бифуркаціи курса имѣютъ въ виду внести элементъ спеціализаціи въ общеобразовательную школу и именно въ ея старшіе классы; но если спеціализація признается вредной въ низшихъ классахъ, то она не менѣе вредна и въ тѣхъ, гдѣ впервые просыпаются сознательные интересы юношества и начинается поразисканій и колебаній въ выборѣ жизненнаго пути. Она вообще не должна имѣть мѣста въ средней школѣ, преслѣдующей цѣли общаго гармоническаго развитія духовныхъ силъ.

Если по какимъ-либо причинамъ юноша не можетъ продолжать ученіе въ старшемъ отдѣленіи средней школы и долженъ ранѣе окончанія курса спеціализировать свои познанія въ интересахъ ихъ практическаго примѣненія, для него, но не для всѣхъ остальныхъ, наступаетъ время перехода отъ общаго образованія къ другому элементу образованія—къ спеціализаціи. Очевидно, что этой спеціализаціи должны служить не высшіе классы средней общеобразовательной школы, продолжающей свое дѣло съ остальными учениками, а особая средняя спеціальная школа. Эта школа, принявъ такого уче-

ника, должна подготовить его къ той спеціальной дѣятельности, которой онъ хочетъ и можетъ себя посвятить. Сама же средняя школа въ ея цѣломъ должна прежде всего имѣть въ виду интересы тѣхъ, которые проходятъ въ ней полный курсъ ученія, а ихъ интересамъ не соответствуетъ водвореніе спеціализаціи въ старшемъ отдѣленіи посредствомъ системы бифуркацій или спеціализаціи всего преподаванія въ одномъ направленіи.

Съ принятіемъ этого направленія наступаетъ конецъ средней *общеобразовательной* школѣ, другими словами, школа отказывается быть полной средней общеобразовательной школой и становится смѣшаннымъ типомъ, слагающимся изъ общеобразовательнаго младшаго отдѣленія и спеціального старшаго отдѣленія.

Всякая спеціализація въ предѣлахъ средней общеобразовательной школы имѣетъ въ виду усиленное упражненіе учащагося въ одномъ, напр. въ томъ, къ чему онъ имѣетъ природную склонность и что само собою успѣшно развивается, если только учащійся имѣетъ нѣкоторый досугъ и не заваленъ свыше мѣры обязательными работами.

Всякая спеціализація неизбѣжно предполагаетъ пониженіе требованій отъ учащагося въ другой области знаній, къ которой онъ проявляетъ менѣе склонности, быть можетъ, просто потому, что въ школѣ былъ плохой учитель, не сумѣвшій заинтересовать своимъ предметомъ.

Общеобразовательная школа должна заботиться о томъ, чтобы юноши, ее оканчивающіе, выходили на жизненный путь вооруженные широкимъ просвѣщеннымъ взглядомъ на міръ и на предстоящія имъ задачи. Система бифуркацій не содѣйствуетъ, а мѣшаетъ осуществленію этой цѣли и потому должна быть признана за социальное зло, понижающее общій уровень развитія въ странѣ. Средняя общеобразовательная школа въ

ея цѣломъ есть въ сущности высшая изъ общеобразовательныхъ школъ, и именно она, а не какая-нибудь другая школа, поддерживаетъ на известной высотѣ общій уровень культуры въ странѣ и служитъ не интересамъ данной минуты или данной группы людей, а интересамъ будущаго страны, интересамъ всего народа. Посягая на цѣльность и законченность курса этой школы, мы губимъ наши таланты и размѣниваемъ на мѣдные гроши сокровища нашего національнаго гения.

Вдумавшись внимательно въ то, къ чему, въ условіяхъ нашей дѣйствительности, можетъ привести стремленіе создать разнообразныя типы школъ или школы съ бифуркаціей курса, мы поймемъ, что истинный путь къ разнообразію типовъ образованія и къ свободному развитію индивидуальныхъ способностей и склонностей лежитъ черезъ одну государственную школу — научно-гуманитарную — дающую стройный организмъ общеобразовательныхъ знаний и не гонящуюся за разными спеціализаціями, — школу, надъ усовершенствованіемъ которой могли бы спокойно и дружно работать наши педагогическія силы, — школу, которая дѣлаетъ свое просвѣтительное дѣло, а не ведетъ бесплодную борьбу за право своего существованія съ какой-нибудь другой школой, сильной не своими внутренними достоинствами, а своими привилегіями ¹⁾.

Пусть къ разнымъ ступенямъ курса этой школы примкнутъ разнообразнѣйшія спеціальныя школы, и мы получимъ такую систему образованія, которая наилучше обезпечитъ правильное и плодотворное развитіе раз-

¹⁾ Говоря здѣсь о единой государственной школѣ, мы вовсе не имѣемъ въ виду школъ частныхъ. Этимъ послѣднимъ, конечно, должна быть представлена полная свобода придерживаться тѣхъ типовъ, какіе устроители школъ считаютъ наилучшими, или вырабатывать совершенно новые планы и искать новые пути къ достиженію тѣхъ цѣлей, какія ставитъ себѣ средняя общеобразовательная школа.

ныхъ степеней дарованія и разныхъ оттѣнковъ способностей учащихся и дать возможность распредѣлять эти дарованія съ наибольшей пользой для государства и общества.

Если и теперь мы упустимъ дорогое время и вмѣсто дружной и энергичной работы надъ устраненіемъ давно всѣми сознанныхъ недуговъ нашей школы будемъ принимать „опыты“, результаты которыхъ можно заранее предвидѣть, или искать въ чужихъ краяхъ образцы для заимствованія, мы дорого, страшно дорого заплатимъ за нашу косность и равнодушіе къ важнѣйшей жизненной національной задачѣ, которую ставить передъ нами время и міровая исторія.

Объ учителяхъ и ихъ подготовкѣ.

Учебный планъ намѣчаемаго здѣсь нами типа общеобразовательной школы еще долженъ быть разработанъ и постоянно улучшаемъ, отдѣльные предметы преподаванія и ихъ части должны быть цѣлесообразно распредѣлены по возрастамъ и приведены между собою въ тѣсное взаимоотношеніе. Все это должно быть результатомъ дружной коллективной работы педагоговъ, проникнутыхъ сознаниемъ важности ввѣренныхъ имъ задачъ и желаніемъ вдохнуть въ педагогическое дѣло новую жизнь. Исходной точкой этой работы можетъ быть избранъ или учебный планъ реального училища, или учебный планъ гимназіи, освобожденной отъ не посильнаго гнета двуязычнаго классицизма, или, что еще лучше, новый улучшенный учебный планъ единой общеобразовательной школы, тщательно продуманный и разработанный совмѣстными трудами педагоговъ разныхъ спеціальностей. Подобные планы на вѣрное уже имѣются въ трудахъ многочисленныхъ комиссій, работавшихъ въ послѣдніе годы надъ реформой средней школы. Но какой бы ни былъ взятъ планъ, онъ не можетъ быть безъ вреда дѣлу образованія

разъ навсегда фиксированъ, и вообще суть дѣла не въ планѣ, а въ духѣ, въ характерѣ преподаванія, въ личности преподающаго. Для успѣха дѣла существенно необходимо достаточный контингентъ преподавателей, сочувствующихъ реформѣ, способныхъ отрѣшиться отъ вѣковой рутины и поставленныхъ въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи въ возможность работать на пользу любимаго дѣла и на благо родины.

Если преподаватель поставленъ матеріальной нуждой въ необходимость давать непомерно большое число уроковъ, онъ, при всѣхъ своихъ талантахъ и познаніяхъ, не можетъ удовлетворять тѣмъ высокимъ требованіямъ, какія ему предъявляетъ намѣчаемый типъ школы. Преподаваніе — трудное дѣло, оно требуетъ большой траты нервной силы. Тотъ огонь одушевленія, который долженъ горѣть въ глазахъ учащихся и свидѣтельствовать объ естественномъ ростѣ и раскрытіи ихъ духовныхъ силъ долженъ прежде всего горѣть въ самомъ учителѣ. Если учитель переутомленъ непосильнымъ трудомъ, если нервы его надорваны и настроеніе его подвалено, въ немъ не загорится этотъ огонь и онъ не въ силахъ будетъ излагать предметы свѣжо и интересно, онъ даже не будетъ имѣть возможности тщательно обдумать планъ и характеръ своихъ уроковъ и преподаваніе его будетъ вялымъ и безжизненнымъ.

Если преподаватель поставленъ въ учебномъ заведеніи и въ обществѣ въ положеніе безправное, если онъ связанъ обязательными программами и предписаніями, если онъ, вмѣсто того, чтобы методично и неспѣшно вести свое дѣло, обязанъ къ извѣстнымъ срокамъ доставлять отмѣтки, выставленныя всѣмъ ученикамъ, и ни въ чемъ не можетъ проявить свою инициативу и индивидуальность, ему приходится отказаться отъ выработки дидактическихъ приѣмовъ, и въ живомъ, постоянно мѣняющемся въ своихъ уловіяхъ, педагогическомъ дѣлѣ воцаряется мертвящая рутиня. Необходи-

димо дать учителямъ или педагогическимъ совѣтамъ, къ которымъ они принадлежатъ, право измѣнять и улучшать программы и планы, сообразуясь съ требованіями науки и указаніями дидактики и опыта. Это подниметъ значеніе учителя въ глазахъ общества и вообще улучшить его нравственное положеніе.

Люди, призванные проводить въ жизнь новую систему образованія и разрабатывать ея детали, должны сами обладать хорошей научной подготовкой и имѣть возможность слѣдить за прогрессомъ науки, мало того, они сами должны быть изслѣдователями и умѣть показать учащимся тѣ пути, каковыми творится новое знаніе. Недостатокъ научныхъ познаній и бываетъ часто причиною того, что рутиня предпочитается улучшенію.

И этимъ еще не ограничиваются требованія, которыя должны быть предъявляемы къ будущимъ исполнителямъ намѣчаемой системы. Они должны вести умы въ разумномъ согласіи съ нормальными законами дѣятельности здороваго ума ребенка и, слѣдовательно, должны понимать эти законы; они должны знать, что, въ какой формѣ и въ какой послѣдовательности можетъ быть доступно учащимся въ каждомъ возрастѣ, а не пытаться, какъ это иногда бываетъ, преподавать дѣтямъ науку такъ, какъ она преподается взрослымъ и какъ преподавалась имъ самимъ въ университетѣ.

Откуда взять необходимый контингентъ преподавателей, обладающихъ всѣми необходимыми качествами и способныхъ поставить дѣло на правильный путь? Если ихъ нѣтъ или очень мало въ данный моментъ, какъ организовать подготовку ихъ для будущаго?

Чтобы учесть наличныя преподавательскія силы, необходимо прежде всего улучшить матеріальныя, нравственныя и общественныя условія существованія нынѣшнихъ преподавателей, тогда изъ ихъ числа выдѣлится болѣе или менѣе значительный контингентъ лицъ, еще не окончательно подавленныхъ жизнью и способ-

ныхъ при измѣнившихся условіяхъ повести дѣло на новыхъ началахъ.

Но, конечно, число такихъ лицъ окажется недостаточнымъ, необходимо поэтому немедленно принять мѣры, которыя обезпечили бы въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ возможность увеличить это число до желаемой нормы и возможность пополнять убыль.

Возникаетъ поэтому чрезвычайно важный вопросъ о подготовкѣ учительскаго персонала. При рѣшеніи этой задачи обыкновенно исходятъ изъ вопроса о томъ, какими свѣдѣніями должны обладать будущіе преподаватели. Свѣдѣнія эти оказываются троякаго рода: 1) основательное знаніе своего предмета и предметовъ, близкихъ къ нему, дающее возможность вести преподаваніе на надлежащей научной высотѣ, 2) знаніе основныхъ началъ педагогической науки и знакомство съ силами, потребностями и особенностями дѣтскаго и юношескаго возраста и 3) нѣкоторое практическое знакомство съ условіями преподаванія, съ учебными планами, учебниками и т. п.

Такъ какъ знаніе своего предмета приобрѣтается кандидатами въ университетѣ, то и оказывается, что на учрежденіи, призванномъ подготовить учителей, должна лежать забота о второмъ и третьемъ.

Какая же организація наилучше обезпечиваетъ достиженіе двухъ вышеупомянутыхъ задачъ?

Если въ основу средняго образованія будетъ положена наука, то и приготовленіе учителей должно происходить при непосредственномъ участіи научныхъ учреждений, каковыми являются университеты.

Учрежденіе, призванное выполнять эту задачу, должно имѣть въ своемъ составѣ лицъ, обладающихъ надлежащею широтою взглядовъ въ области педагогической науки и практики и способностью легко ориентироваться въ сложныхъ вопросахъ, какіе выдвигаются и будутъ выдвигаться жизнью нашей средней школы въ тѣхъ

условіяхъ, среди которыхъ ей приходится развиваться. Это учрежденіе должно быть организовано такъ, чтобы оно могло развиваться и видоизмѣнять свою дѣятельность, сообразно съ возникающими потребностями.

Это учрежденіе должно доставить будущимъ преподавателямъ возможность основательно познакомиться съ педагогіей (съ исторіей педагогическою), психологіей и другими науками, имѣющими непосредственное отношеніе къ педагогической дѣятельности, а также съ наилучшими способами преподаванія каждаго предмета.

Для осуществленія этихъ возможностей въ составѣ учрежденія должно быть лицо или лица, для которыхъ педагогическіе вопросы составляютъ предметъ спеціальной научной работы, — профессора педагогическихъ наукъ.

Методика отдѣльныхъ предметовъ можетъ быть успѣшно разрабатываема лицами, знакомыми съ практическими условіями преподаванія и въ то же время не порывающими связи съ наукой и стоящими близко къ учрежденію, призванному научно разрабатывать данный предметъ, т.-е. къ университетской кафедрѣ этого предмета. Учасій обязанъ не только знать, что написано въ томъ или другомъ учебникѣ, но и умѣть добывать научные факты или, по крайней мѣрѣ, знать, какъ они добываются, и быть въ состояніи критически оцѣнить ихъ относительное значеніе, иначе его преподаваніе утратитъ жизненность и интересъ для юныхъ развивающихся и жаждущихъ знанія умовъ. Поэтому учрежденіе, въ которомъ кандидаты на учительскія должности будутъ получать педагогическую подготовку, должно объединять вокругъ одной общей задачи людей педагогической практики и представителей теоретической науки. Представители теоретической науки будутъ содѣйствовать поддержанію всего преподавательскаго дѣла, всѣхъ курсовъ и занятій на надлежащей научной высотѣ; представители педагогической практики

создадутъ ту почву, ту среду, которая обезпечитъ правильное развитіе педагогическаго дѣла, примѣнительно къ практическимъ условіямъ русской жизни.

Далѣе, проектируемое учрежденіе должно имѣть авторитетъ, пользоваться довѣріемъ и сочувствіемъ общества и будитъ въ немъ интересъ къ педагогическимъ вопросамъ. Кромѣ того, оно должно быть привлекательно для молодыхъ людей съ высшимъ образованіемъ, желающихъ посвятить свои силы педагогическому дѣлу.

Всѣмъ этимъ требованіямъ лучше всего можетъ удовлетворить учрежденіе, тѣсно связанное съ университетомъ, составляющее одинъ изъ его органовъ, приведенный въ тѣсную связь и со средней школой.

Такое учрежденіе могло бы осуществиться путемъ созданія въ университетахъ особыхъ педагогическихъ комиссій или педагогическихъ факультетовъ съ особой, нѣсколько отличной отъ другихъ факультетовъ и соотвѣтствующей своимъ особымъ задачамъ организаціей. На такіе педагогическіе факультеты поступали бы молодые люди, окончившіе курсъ физико-математическаго и филологическаго факультетовъ и желающіе посвятить себя дѣлу преподаванія. Такъ какъ это были бы люди развитые и уже привычныя къ умственной работѣ, люди, имѣющіе нѣкоторое педагогическое дарованіе и стремящіеся приступить къ предстоящему жизненному дѣлу, ими сознательно избранному, то продолжительность курса на этомъ второмъ факультетѣ должна быть очень невелика. Годичный или для желающихъ двухгодичный срокъ пребывания на этомъ факультетѣ слѣдовало бы признать совершенно достаточнымъ, тѣмъ болѣе, что вполне основательная и всесторонняя, такъ сказать, исчерпывающая подготовка учителя не можетъ составлять задачи проектируемаго учрежденія: такая подготовка требуетъ нѣсколькихъ лѣтъ работы надъ собою въ условіяхъ самостоятельной и отвѣтственной учительской дѣятельности; даже болѣе

того: хорошій учитель будетъ учиться и совершенствоваться всю жизнь.

На педагогическомъ факультетѣ должны быть кафедры педагогическія (исторія педагогическія), психологическія, физиологическія и гигіены дѣтскаго и юношескаго возраста и, быть можетъ, еще нѣкоторыхъ предметовъ, имѣющихъ тѣсное соотношеніе съ дѣятельностью учителя, но число обязательныхъ курсовъ должно быть весьма невелико; кандидаты должны имѣть достаточно свободнаго времени для самостоятельной работы.

Въ интересахъ установленія возможно тѣсной связи этого факультета съ физико-математическимъ и филологическимъ въ его составъ должны войти нѣсколько членовъ этихъ факультетовъ. Членомъ факультета можетъ быть также одинъ изъ директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній. Кромѣ названныхъ лицъ, въ составъ факультета входятъ съ правомъ голоса педагогическіе руководители, ведущіе специальную подготовку кандидатовъ по отдѣльнымъ предметамъ преподаванія. Педагогами руководителями могутъ быть: а) учителя среднихъ учебныхъ заведеній извѣстные своими учеными или педагогическими трудами или пріобрѣтшіе это право путемъ представленія въ факультетъ педагогическаго или дидактическаго сочиненія, которое должно быть одобрено факультетомъ; б) профессора и приватъ-доценты университета, знакомые по личному опыту съ условіями преподаванія въ среднемъ учебномъ заведеніи и изъявившіе желаніе открыть курсъ, специально приспособленный къ условіямъ преподаванія въ средней школѣ. Педагоги руководители, имѣющіе ученую степень могутъ войти въ составъ факультета, какъ его постоянные члены.

Факультетъ, такимъ образомъ организованный, и создастъ тѣ наиболѣе благоприятныя условія, въ которыхъ молодые люди, желающіе сдѣлаться учителями, могутъ пріобрѣтать всѣ необходимыя для нихъ теоретическія

познанія и получать практическія указанія для своей будущей дѣятельности.

Въ общихъ чертахъ занятія молодыхъ людей будутъ заключаться въ слѣдующемъ: 1) Слушаніе лекцій по педагогій и другимъ факультетскимъ предметамъ и участіе въ тѣхъ семинаріяхъ и упражненіяхъ, какими будутъ сопровождаться эти лекціи. 2) Занятія подъ руководствомъ педагоговъ-руководителей по избранному каждому кандидатомъ предмету или группѣ родственныхъ предметовъ; эти занятія могутъ заключаться: въ ознакомленіи путемъ чтеній, бесѣдъ, семинарій и самостоятельныхъ домашнихъ работъ, по указанію руководителя, съ условіями преподаванія даннаго предмета въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ учебниками, съ источниками научныхъ и педагогическихъ свѣдѣній по данному предмету; въ методической разработкѣ, подъ руководствомъ педагога-руководителя, извѣстнаго отдѣла курса; въ посѣщеніи тѣхъ уроковъ педагога-руководителя, которыми онъ пожелалъ бы иллюстрировать свое преподаваніе и т. п. 3) Посѣщеніе во второмъ полугодіи или на второй годъ уроковъ по избранному и близкимъ къ нему предметамъ въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, къ которымъ кандидатъ на извѣстный срокъ будетъ прикомандированъ. 4) Пополненіе случайныхъ пробѣловъ въ теоретическихъ познаніяхъ, путемъ посѣщенія нѣкоторыхъ лекцій въ университетѣ, занятій въ бібліотекахъ и т. п. Такая постановка дѣла отразилась бы благоприятно и на нынѣ работающемъ учительскомъ персоналѣ. Нѣкоторые учителя, сдѣлавшись педагогами-руководителями, примкнули бы къ университетской организаціи и вошли бы въ тѣсное соприкосновеніе съ университетскою наукой. Установилась бы живая связь между университетомъ и средней школой, въ университетѣ усилился бы элементъ практическаго опыта въ педагогическомъ дѣлѣ и создалась бы благоприятная почва для развитія педагогической науки въ Россіи.

Все это содѣйствовало бы подъему педагогическаго дѣла въ Россіи на ту высоту, на которой оно должно стоять сообразно тому важному вліянію, какое оно оказываетъ на историческія судьбы страны. Естественнымъ слѣдствіемъ подъема интереса къ педагогическимъ вопросамъ было бы возникновеніе педагогическихъ обществъ и педагогическихъ кружковъ сначала въ университетскихъ городахъ и въ тѣсной связи съ педагогическими факультетами, а потомъ и въ другихъ городахъ, гдѣ имѣется нѣсколько учебныхъ заведеній. Этимъ путемъ родители и общество были бы привлечены къ живому участию въ педагогическомъ дѣлѣ.

Идея о томъ, что средняя школа должна стать въ болѣе тѣсное общеніе съ университетомъ не нова и не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго. Въ былыя времена университетъ принималъ непосредственное живое участіе въ жизни среднихъ учебныхъ заведеній и имѣлъ въ числѣ своихъ каедръ—каедру педагогій. Отъ такого порядка вещей университетъ ничего не проигрывалъ, а среднія учебныя заведенія выигрывали очень многое.

Въ настоящее время расширеніе дѣятельности университетовъ въ этомъ направленіи не только шло бы навстрѣчу настоятельной потребности, повелительно выдвигаемой жизнью, но и соотвѣтствовало бы тому значенію, какое въ послѣднее время приобретаютъ вопросы воспитанія и образованія. Теперь все болѣе и болѣе входитъ въ общее сознаніе идея о томъ, что воспитаніе и образованіе молодыхъ поколѣній представляетъ собою не только особый родъ искусства, но и науку. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Британская ассоціація для развитія наукъ прибавила къ числу своихъ секцій—секцію воспитанія. Естественно чтобы и въ русскихъ университетахъ наука воспитанія вновь нашла себѣ достойное мѣсто.

Учрежденіемъ одной каедры педагогій важныя госу-

дарственные потребности, съ нею связанныя, не удовлетворились бы въ такой мѣрѣ, какъ учрежденіемъ особой педагогической организаціи—комиссіи или факультета.

Значеніе проектируемаго учрежденія хорошо выясняется изъ сопоставленія его съ значеніемъ медицинскаго факультета.

На медицинскомъ факультетѣ преподаются тѣ же естественныя науки, какъ и на естественномъ отдѣленіи математическаго факультета: зоологія, ботаника, минералогія, физика, химія, анатомія, физиологія и сверхъ того нѣсколько наукъ о процессахъ, совершающихся въ организмѣ больного человѣка, и о приемахъ врачеванія его болѣзней. Студенты упражняются практически въ этомъ врачеваніи подъ руководствомъ профессоровъ и ихъ помощниковъ. Такъ какъ основа врачебныхъ наукъ—науки естественныя, то студенты, окончившіе естественный факультетъ, поступаютъ на медицинскій прямо на спеціальныя курсы, минуя общіе.

Представимъ себѣ теперь, что было бы если бы университетъ выпускалъ врачей только съ этой основой, т.-е. прямо съ естественнаго факультета, безъ того прикладнаго естествознанія, примѣненнаго къ больному человѣку, которое даетъ медицинскій факультетъ. Дѣло врачеванія человѣческихъ недуговъ отъ этого не выиграло бы, а было бы подорвано.

Почему же считается нормальнымъ, что тотъ же университетъ выпускаетъ съ двухъ своихъ факультетовъ—филологическаго и физико-математическаго—молодыхъ людей прямо въ преподаватели и ввѣряетъ имъ дѣло воспитанія и образованія молодыхъ поколѣній, т.-е. формированія ихъ ума и сердца, дѣло къ которому эти молодые люди вовсе не подготовлены ни теоретически, ни практически? Они не имѣютъ и понятія о тѣлесныхъ и духовныхъ особенностяхъ дѣтскаго и юношескаго организмовъ, они должны уже на практикѣ при-

обрѣтать необходимыя познанія цѣною многихъ неудачныхъ опытовъ и ошибокъ, которыя не могутъ не отражаться вредно на тѣхъ, надъ кѣмъ эти опыты производятся. Мы тратимъ огромныя средства на медицинскіе факультеты и клиники для больныхъ тѣлесными и душевными болѣзнями и ничего не дѣлаемъ для огражденія нѣжныхъ юныхъ организмовъ отъ неумѣлыхъ педагогическихъ приемовъ, которые губительно дѣйствуютъ на ихъ тѣло и душу и слишкомъ рано и въ слишкомъ большомъ числѣ приводятъ ихъ въ клиники и больницы. Въ большихъ городахъ не хватаетъ клиникъ и больницъ для помѣщенія всѣхъ страждущихъ. Увеличивая ихъ число и размѣры, не пора ли также позаботиться о томъ, чтобы въ будущее время поменьше было стремящихся попасть въ нихъ.

Если даже допустить, что наши школы вовсе не повинны въ увеличеніи населенія больницъ и клиникъ, что тѣлесное и душевное здоровье учащихся въ нихъ не подвергается никакой опасности, то и тогда позволительно поставить вопросъ о томъ, не своевременно ли, параллельно съ существованіемъ медицинскихъ факультетовъ, учредить факультеты, призванные спасать нашу образовательную и воспитательную систему отъ мертвящей рутины, схоластичности и книжности и вливать въ нее живой духъ и врачевать будущихъ гражданъ нашей страны отъ одной крайне опасной для ея будущаго болѣзни—отсутствія умѣнія хорошо видеть собственными глазами и здраво мыслить собственнымъ умомъ, другими словами—отъ отсутствія научнаго склада ума и равнодушія къ научнымъ вопросамъ.

Педагогическій музей.

Въ недавнее время педагогическое общество при московскомъ университетѣ устроило очень небольшой и очень скромный педагогическій музей и при немъ биб-

ліотеку. По какому-то странному капризу судьбы случилось такъ, что этотъ музей нашель себѣ приютъ въ одномъ изъ переулковъ на Дѣвичьемъ полѣ и путь къ нему лежитъ мимо цѣлаго городка роскошныхъ, обрамленныхъ садами зданій, изъ которыхъ каждое посвящено изученію и врачеванію какого-нибудь одного рода тѣлесныхъ или душевныхъ недуговъ. Это—знаменитыя московскія клиники. Взоръ радуется, и сердце чувствуетъ удовлетвореніе и проникается благодарностью при видѣ того, какъ много средствъ, труда и знергій, положено на дѣло облегченія человѣческихъ страданій. Но вотъ мы миновали клинической городокъ и приходимъ въ педагогическій музей, помѣщающійся въ трехъ небольшихъ и плоховато освѣщенныхъ комнатахъ въ подвальномъ этажѣ одного учебнаго заведенія. Контрастъ весьма рѣзкій, особенно если вдуматься, что хорошо организованный педагогическій музей и библіотека—это та же клиника для врачеванія будущихъ поколѣній,—клиника, призванная охранять тѣлесное и душевное здоровье самыхъ близкихъ, самыхъ дорогихъ намъ существъ, въ руки которыхъ мы готовимся перелать свѣтильникъ нашей жизни и нашего духа. Педагогическія знанія пока мало популярны у насъ и о такомъ значеніи педагогическаго музея и библіотеки мало кто догадывается. Остается только мечтать о наступленіи лучшихъ временъ¹⁾.

¹⁾ Съ тяжелымъ чувствомъ приходится сказать здѣсь, что съ того времени какъ были написаны эти строки, многое уже измѣнилось. Педагогическое общество перестало существовать, и основанному имъ педагогическому музею пришлось прекратить свою работу въ такое время, когда онъ былъ близокъ къ тому, чтобы стать однимъ изъ крупныхъ просвѣтительныхъ учреждений, когда къ нему все чаще и чаще стали обращаться за совѣтами и указаніями и учебныя заведенія и учителя не только находящіеся въ Москвѣ или близъ Москвы, но и работающіе на отдаленныхъ окраинахъ Россіи. Будемъ надѣяться, что это учрежденіе не перестававшее и при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ посильно служить развитію педагогическаго дѣла въ Россіи, не погибло, а лишь временно замерло.

И вотъ мы видимъ въ центральной мѣстности Москвы, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ превосходными зданіями, вмѣщающими въ себѣ старыя университетскіе факультеты, лабораторіи, музеи, высится еще одно новое большое зданіе, съ просторными и свѣтлыми помѣщеніями. Оно вмѣщаетъ педагогическій факультетъ и его учебно-воспомогательныя учрежденія. Кромѣ аудиторіи и комнатъ для спеціальныхъ занятій молодыхъ людей, готовящихся стать учителями, здѣсь помѣщаются педагогическій музей и педагогическая библіотека съ читальней при ней, открытой и для публики. Небольшая прогулка по музею покажетъ намъ, какъ далеко ушло и дошкольное воспитаніе дѣтей и преподаваніе въ школахъ отъ того, что было еще такъ недавно. Мы изумляемся множеству наглядныхъ пособій, дѣлающихъ интереснымъ и живымъ преподаваніе всѣхъ предметовъ, даже такихъ, при преподаваніи которыхъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ ни о какой наглядности никто и не думалъ. Мы видимъ какъ легко теперь сдѣлать яснымъ и понятнымъ то, что прежде требовало столькихъ трудовъ и усилій какъ со стороны ученика, такъ и со стороны учителя. Мы видимъ тутъ же образцы работъ, показывающіе какъ, за отпаденіемъ прежнихъ бесплодныхъ и ненужныхъ трудовъ и усилій, сдѣлался возможнымъ трудъ разумный и развивающій. Мы видимъ рядъ необыкновенно простыхъ и рѣшительно каждому доступныхъ приборовъ и приспособленій, дающихъ возможность каждому учащемуся и въ школѣ и дома продѣлать рядъ самыхъ поучительныхъ опытовъ физическихъ, химическихъ, даже біологическихъ, опытовъ, продѣлывая и продумывая которые, каждый выяснитъ себѣ многое и въ жизни окружающей его природы, и въ своей собственной. Легко представить себѣ бодрія и оживленныя лица дѣтей, устраивающихъ себѣ такіе приборы и работающихъ съ ними. Какъ дѣятельно должны работать ихъ умъ, и не одинъ, умъ, а и глаза,

и руки, и все их юное существо. Мы невольно изумляемся, как могли педагоги еще столь недавняго прошлаго игнорировать эти могучія средства умственнаго да и физическаго развитія дѣтей и воспитанія ихъ воли и предпочитать имъ задаваніе уроковъ по книжкамъ и рассказы въ классѣ о томъ, какъ тотъ или иной опытъ могъ бы быть произведенъ или былъ когда-то произведенъ.

Изъ музея мы проходимъ въ бібліотеку, гдѣ работаютъ и студенты — будущіе преподаватели, и много лицъ изъ публики, мужчинъ и женщинъ. Повидимому, большинство изъ нихъ молодые можетъ быть даже и будущіе отцы и матери, ищущіе наиболѣе вѣрные и надежныя пути въ воспитаніи дорогахъ имъ малютокъ.

Вотъ молодая мать читаетъ книгу о первоначальномъ воспитаніи дѣтей и узнаетъ изъ нея, какое важное значеніе имѣетъ для развитія всѣхъ духовныхъ силъ, всѣхъ способностей ребенка его возня съ разными заинтересовавшими его предметами: растеніями, камнями, насѣкомыми, и его часто надоѣдливые вопросы о нихъ. Она узнаетъ, какъ отражаются на его будущемъ характерѣ и на всемъ его душевномъ складѣ маленькія удачи и неудачи въ разрѣшеніи возникающихъ въ его головкѣ вопросовъ и вообще всѣ маленькія и, повидимому, мимолетныя впечатлѣнія, которыя онъ получаетъ при общеніи съ окружающими его предметами и особенно съ чудными произведеніями природы. Она узнаетъ, какой тяжкій грѣхъ противъ дѣтской души дѣлаютъ тѣ родители, которые съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ торопятся учить своихъ дѣтей чужимъ языкамъ и особенно ихъ грамматикамъ. Она узнаетъ далѣе, что нѣжной, раковыяющей для міра душъ ребенка, только она сама, ея материнскій глазъ и материнское сердце можетъ дать то, чего не дадутъ никакія чужія наемныя руки.

Сколько блага родной странѣ принесутъ эти Володи,

Бори, Тани, заботой о которыхъ проникнуты посѣтители этой бібліотеки и этого музея; ихъ духъ и тѣло не будутъ искалѣчены доброжелательными, но неумѣлыми приѣмами воспитанія и обученія; они разовьются свободно, соотвѣтственно заложеннымъ въ нихъ природой задаткамъ, и съ такимъ же одушевленіемъ и любовью будутъ дѣлать свое жизненное дѣло, съ какими они теперь наблюдаютъ интересующія ихъ произведенія природы и продѣлываютъ свои несложныя, но поучительныя опыты.

Хорошо, свѣтло становится на душѣ, когда повидаешь подобное учрежденіе, почувствуешь всю ту массу добра, какую оно разливаетъ вокругъ.

Да, но вѣдь это все мечты, это когда-нибудь будетъ, а „пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ“. Поскорѣ бы взошло это солнце и разсѣяло эту росу, этотъ густой туманъ, окутывающій наше педагогическое дѣло. Выѣдаетъ, выѣдаетъ онъ намъ очи, а кому, какъ не намъ, они нужны, чтобы умѣть ими хорошо видѣть, чтобы здраво судить о томъ, что у насъ и около насъ происходитъ.